

Марченко К.К.

К ПРОБЛЕМЕ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ КОНТАКТОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ V-IV ВВ. ДО Н.Э. (СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ)

Marchenko K.K. To the problem of Greek-Barbarian contacts in the North-Western Black Sea region of the V-IV c. B.C. (rural settlements of the Low Bug area).

The article is dedicated to the problem of deserting of the rural territories of the North-Western Black Sea region in the beginning of the second quarter of the V c. B.C. The author believes that the most important reason there was a military threat from the part of a new wave of nomads – Scythians from the East. Together with this the author emphasizes that the point should be not a powerful simultaneous attack but also a gradually increasing pressure. However, after deserting of the chora (agricultural neighbourhood) of Olbia we note a strange thing. Firstly, Olbia (as other Poleis of the North-Western Black Sea region) continues to develop rapidly and, moreover, the epoch of its prosperity comes. Secondly, there appears an unprotected settlement near Olbia itself – «Suburb». The author supposes that there were the inhabitants of the suburb who provided Olbia in new conditions with agricultural products, having changed the population of chora. But why the inhabitants of the suburb didn't settle in Olbia itself where there was a lot of space. The author thinks that the suburb was populated by hellenized Barbarians. They were in dependence of the inhabitants of Olbia. Later, when the political situation in the region did not change, the recolonization of rural territories took place. One of its main members became the inhabitant of the suburb. Touching upon their social-economic status, the author supposes that in the decree in honour of Protogenus they were called «oikets» – «rural slaves».

В структуре античного Причерноморья обычно выделяют шесть-восемь отдельных культурно-исторических или экономико-географических регионов. В числе последних в настоящее время уверенно называется и Северо-Западное Причерноморье (Марченко 1992: 6-22). Само по себе выделение этого региона среди прочих не вызывает ныне никаких возражений среди антиковедов. Неоспоримым фактом является и другое — границы регионов, их лабильность и своеобразие во времени и пространстве в значительной степени должны определяться не только в сфере сходства экономического, культурного и исторического развития самих центров эллинской диаспоры, но и с учетом роли воздействия на их развитие со стороны варваров. Вместе с тем, следует признать, что наличие обширных лакун в области знаний особенностей характера греко-варварских взаимодействий в различных частях «пограничья» до сих пор в целом ряде конкретных случаев ставит серьезные преграды на пути вполне сбалансированной реализации такого подхода. В немалой степени это касается и региона Северо-Западного Причерноморья V в. до н.э., поскольку все еще остаются не до конца понятными причины и конкретно-историческое содержание событий, приведших к радикальным переменам

в жизни местных эллинских центров и изменению характера их взаимоотношений с варварским миром. По существу, в историографии все эти трансформации либо продолжают дискутироваться, либо рассматриваются крайне общо и односторонне, либо, наконец, даются просто в искаженном виде.

Своеобразным ключом к решению возникшей проблемы может стать, на мой взгляд, факт запустения сельскохозяйственной территории Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья с рубежа первой и второй четвертей V в. до н.э. Как установлено ныне, в это время прекращается жизнь на подавляющем большинстве рядовых селищ позднеархаического периода названных районов греческой колонизации. Равным образом есть некоторые основания полагать, что весьма близкая, если даже не тождественная, ситуация складывается тогда же и в окрестностях Истрии, где, судя по всему, также прерывает свое существование ряд сельских поселений Северной Добруджи, например, Тариверде (Condurachi și col. 1953; Vulpe 1955: 543-549; Avram 1990: 23), Саринасуф (Alexandrescu 1976: 122, 126), Истрия Под (Zimmermann, Avram 1987: 10-11, 27) и происходит заметная редукция или даже хронологический разрыв в жизнедеятельности на терри-

тории «предградья» этой колонии (Dmitrii 1966; ср.: Zimmermann, Avram 1987: 27).

Следует напомнить сразу, что причины, повлекшие за собой указанное явление, все еще дискутируются. (См., например: Крыжицкий, Лейпунская 1997: 23-25). Одни исследователи объясняют уход жителей с незащищенных поселений резким обострением военно-политической ситуации в Северном Причерноморье, вызванным усилением кочевых скифов (Марченко 1980: 143; Виноградов 1980а: 107; Карышковский, Клейман 1985: 44; Секерская 1989: 45; Виноградов, Доманский, Марченко 1990; Охотников 1990: 69-70; Alexandrescu 1990: 68). Другие, не отрицая полностью возникновения угрозы со стороны скифов, указывают на возможность существования, что касается Нижнего Побужья во всяком случае, еще по меньшей мере двух, в их построениях едва ли не главных, причин этого события, а именно: большой потребности самой Ольвии в притоке рабочей силы для сооружения оборонительных стен вокруг города и развертывания интенсивного строительства сырцово-каменных общественных и жилых сооружений (Русяева, Скржинская 1979: 27-28) или же перехода от стихийно сложившейся сельской территории к менее обширной, но зато и более упорядоченной хоре полиса (Крыжицкий, Отрешко 1986: 15). Третьи же исследователи связывают фиксируемый отлив сельского населения то с синоикизмом отдельных общин ионийцев Нижнего Побужья, приведшим, по их мнению, к образованию Ольвии как города (Рубан 1977: 43-44), то с реэмиграцией ионийцев «на свою обезлюдившую родину после обретения ею независимости вследствие поражения персидской армии при Эвримедонте и особенно после Каллиева мира» (Рубан 1988: 18).

Каковы же истинные причины, вызвавшие относительное запустение сельских территорий Северо-Западного Причерноморья? Какую из ныне существующих на сей счет точек зрения предпочесть?

Сразу же заметим, что по поводу одной из них — о синоикизме аграрных поселений — в печати уже высказана отрицательная оценка, указывающая на явную уязвимость ее конкретно-исторического обоснования (Марченко 1980: 142; Виноградов 1980: 107). Не менее сомнительным, впрочем, представляется и другое решение вопроса, связывающее запустение окрестностей колоний с массовой реэмиграцией, поскольку оно исходит из исключительно ионийского характера аграрного населения. Практически столь же малоприемлемым, наконец, кажется и суждение о сокращении (коллапсе) сельской территории в связи с организацией Ольвийским полисом своей хоры, поскольку находящийся в его основе тезис о стихийной линии колонизации вызывает серьезные возражения (Марченко 1994: 92 сл.).

Значительно более убедительными, на пер-

вый взгляд, представляются две оставшиеся, частично связанные между собой, точки зрения: о потребности Ольвии в рабочей силе по причине возросшего объема строительства, в том числе и фортификационных сооружений, и о военной угрозе со стороны кочевников. Рассмотрим их.

Итак, нет никаких сомнений в том, что переход ольвиополитов от заглубленных в землю жилищ — землянок и полужемлянок — к массовому сооружению наземных сырцово-каменных построек произошел где-то в конце VI — начале V вв. до н.э. Во временном отношении этот решительный переворот в строительном деле одновременен или, скорее, несколько опережает начало отлива с периферии в город. Примерно в это же время, вероятнее всего, Ольвия опоясывается каменными оборонительными стенами (Карасев 1948; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 23, 85, рис. 76). Таким образом, хронологическая и причинная связь появления в Ольвии большого числа рабочей силы и переход к широкому строительству наземных сооружений эллинистических типов кажется не только допустимой, но и вполне естественной. Совсем иное дело, однако, когда само стремление и потребность строить в городе более совершенные, требовавшие больших затрат труда здания жилого и общественного назначения трактуются как один из важнейших стимулов, побуждавших обитателей Нижнего Побужья позднеархаического периода покидать сельскохозяйственные угодья — основной, если не единственный, источник благосостояния большинства вчерашних колонистов. С такой постановкой вопроса согласиться трудно даже в первом приближении.

Что касается нижней части Ольвии, т.н. нижнего города, то, если быть точным, возведение здесь наземных построек могло быть и вынужденным, поскольку диктовалось специфическими гидрологическими условиями — наличием относительно мощных, близко расположенных к поверхности водоносных пластов, просто не позволявших создавать сильно заглубленные структуры. Однако в целом дело, конечно, не сводилось ни к этому обстоятельству, ни тем более к запрограммированному или незапрограммированному появлению излишков рабочей силы.

При рассмотрении причин новых веяний в строительном деле ольвиополитов совершенно необходимо, во-первых, расчленив два почти полностью различных по своей направленности и значению события — переход к широкому строительству сырцово-каменных сооружений в городе и начало возведения мощных городских укреплений, и, во-вторых, принять во внимание, что сам-то переход к наземным типам построек в Нижнем Побужье начался значительно раньше запустения берегов лиманов и был, несомненно, подготовлен всем ходом колонизации этого района — сравнительно бы-

стрым расширением и укреплением экономической и культурной базы эллинской общины в середине-второй половине VI в. до н.э. в целом. Чтобы не быть голословным, напомним, что первые наземные сооружения Ольвии возникают не позднее третьей четверти этого столетия (Копейкина 1975: 194-195); примерно в это же время на Березанском поселении создается как минимум уже целый участок подобных построек (Копейкина 1975: 188 сл.; 1981), а с конца VI или самого начала V вв. до н.э. наземные жилые, хозяйственные и, вполне вероятно, общественные строения начинают возводить даже на некоторых наиболее удаленных от Ольвии и Березани и в общем вполне рядовых сельскохозяйственных поселениях (см., например: Марченко, Доманский 1981; Головачева, Марченко, Рогов 1998).

Сделанные замечания, разумеется, не означают, что нужно полностью отрицать влияние возможных излишков рабочей силы на увеличение масштабов городского строительства в первой половине V в. до н.э. Вовсе нет. Этим хочется только поставить указанный фактор на подобающее ему, несомненно, второстепенное место. И если одной из действительных причин перехода к массовому строительству сырцово-каменных домов в какой-то мере и мог оказаться наплыв большого числа новых, стремящихся побыстрее обосноваться в городе жителей, то быстрое возведение фортификационных линий Ольвии — предприятие, потребовавшее, конечно же, поистине огромных усилий и большого напряжения хозяйственных и физических возможностей полиса, должно было быть вызвано к жизни, разумеется, куда более масштабной и одновременно прозаической силой — опасностью военного нападения. Осуществилось ли хоть раз такое нападение в это время или нет — в данном случае совершенно не важно. Суть в другом — в ее очевидной реальности (Карасев 1948: 28-29).

Именно эта опасность, по всей видимости, и привела в запустение большую часть обжитых, но совершенно не укрепленных, относительно небольших поселений Нижнего Побужья, Нижнего Поднестровья и, скорее всего, Северной Добруджи. Налицо явная вынужденность отказа греков от прямой эксплуатации сельскохозяйственного потенциала Северо-Западного Понта. Ко всему вышесказанному остается лишь добавить, что единственной реальной силой, способной практически одновременно обострить военно-политическую обстановку на столь обширной территории района могли быть только новые волны появившихся с востока кочевников (Виноградов, Марченко 1991: 149-151).

Помимо вполне резонной в данном случае теоретической посылки о коренном различии хозяйственно-культурного типа кочевников, с одной стороны, и оседлого земледельческого населения окрестностей греческих колоний, с

другой, естественным образом создававшего состояние перманентного конфликта между ними, сторонники последней точки зрения исходят из достаточно надежных справок античной литературной традиции (Herod., IV, 76, 78-80) и эпиграфики (Vinogradov 1981: 14, 17; Виноградов 1989: 87-89), свидетельствующих о реальности враждебных отношений степняков к грекам по крайней мере в конце VI - первой половине V вв. до н.э.

В подкрепление указанного тезиса обычно привлекаются и некоторые характерные факты археологии интересующего нас времени. При этом замечу, однако, что при окончательной оценке этих фактов необходимо считаться с тем более или менее очевидным обстоятельством, что война и военные столкновения далеко не всегда находят вполне адекватное отражение в археологических материалах. Как бы то ни было, перечислю их. Это, во-первых, перерыв с первой трети V в. до н.э. до конца этого же столетия в функционировании сельских некрополей Нижнего Побужья и хронологически связанная с этим перерывом трансформация погребальных сооружений — переход от четырехугольных ям с деревянными конструкциями к ямам с подбоям и катакомбам (см.: Ebert: 1913); во-вторых, появление во второй четверти V в. до н.э. на территории Нижнего Побужья целой серии погребений кочевых скифов (Ковпаненко, Бунятян 1978; Гребенников, Фридман 1985); в-третьих, наличие в Ольвийском и особенно Березанском некрополях конца VI - первой половины V вв. до н.э. заметного количества погребений, содержащих убитых скифским оружием — явление, бесспорно, необычное для комплексов более раннего периода (см.: Скуднева 1960: 68; Доманский, Виноградов, Соловьев 1989: 59-60); в-четвертых, открытие на нижнебугском поселении Большая Черноморка 2 в одном из наиболее поздних комплексов первой четверти V в. до н.э. скелета насильственно умерщвленного жителя (Ганжа, Мошкова, Отрешко 1978); в-пятых, создание в самом конце VI или начале V вв. до н.э. на другом открытом селище ольвийской округи — Старая Богдановка 2 — большого наземного сооружения с необычно мощными внешними стенами, возможно, выполнявшего функцию убежища для местного населения (Марченко, Доманский 1982; ср.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 55); в-шестых, исчезновение в составе лепной керамики Нижнего Побужья с начала V в. до н.э. фракийского и лесостепного компонентов, что наиболее резонно объяснять перекрытием номадами традиционных путей пополнения сельского населения этого района (Марченко 1988 а: 121-123); и, наконец, в-седьмых, так называемое первое разрушение Истрии в начале этого же столетия (Alexandrescu 1990: 67-68).

Последнее, на что, быть может, следует обратить внимание в связи с рассматриваемой

точкой зрения, — на заметное пополнение антропонимического фонда Ольвии негреческими и полугреческими именами, происшедшее вследствие концентрации на ее территории окрестного населения (Виноградов 1981: 134-135), а также значительную редуцию площади Березанского поселения (Копейкина 1975: 193 сл.).

Подводя, таким образом, итог краткому обзору существующих представлений на события начала V в. до н.э., я, как кажется, имею достаточно веские основания присоединиться к мнению исследователей, связывающих относительное запустение прибрежных районов северо-западной части Понта, и прежде всего Нижнего Побужья, с действиями кочевников.

Вместе с тем, признавая это, нельзя не заметить, что в настоящее время в современном антиковедении явный перевес над другими получила позиция, согласно которой непосредственным побудительным мотивом, своего рода катализатором, столь радикального изменения всей военно-политической и демографической обстановки в Северном Причерноморье была победа номадов, точнее, царских скифов, в войне с персидским царем Дарием, вызвавшая усиление их «национального» самосознания и политических амбиций (см., например: Карасев 1948: 29; Марченко 1980: 142; Виноградов 1989: 84). Такая точка зрения представляется ныне неубедительной хотя бы по хронологическим соображениям. Археологические материалы, и прежде всего хорошо датированные комплексы сельскохозяйственных поселений Северо-Западного Причерноморья, отчетливо фиксируют нам наступление серьезных перемен в районах колонизации минимум через сорок (NB!) лет после Скифского похода Дария. Эти же данные определенно свидетельствуют и в пользу относительно медленного, т.е. растянутого во времени и пространстве, развития неблагоприятных тенденций в отношении степняков со своими соседями. Весьма примечательным в данной связи представляется и то, что первые признаки нестабильности военно-политической и демографической ситуации появляются сначала, по всей видимости, как раз на крайнем востоке степного коридора, где уже в последней трети VI в. до н.э., т.е. значительно раньше относительного запустения берегов Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья, прекращает существование так называемое Таганрогское поселение греков (Копылов, Ларенок 1994: 6), а затем за пределами дельты Дона практически полностью исчезают погребения кочевников (Житников 1987). Но дело не только или, точнее, не столько в этом. Сам факт отсутствия сколь-либо выраженного в археологическом отношении центра кочевых скифов в степной части Северного Причерноморья вплоть до середины V в. до н.э. во всяком случае (Ильинская, Тереножкин 1983: 359), равно как и отсутствие каких-либо следов военных действий (по-

жаров, разрушений и т.п.) на площади всех мало-мальски раскопанных сельскохозяйственных поселений конца VI в. до н.э. Нижнего Поднестровья и Нижнего Побужья вообще ставит под большое сомнение правдоподобность глубокого и массивного проникновения армии Дария в степную зону региона (см. также: Граков 1947: 23; Полин 1987; Виноградов 1989: 81), а следовательно, в конечном счете, и предполагаемую силу воздействия военных действий номадов на их общество (ср.: Виноградов 1989: 81, 84-85). Напомню, наконец, что краткая версия похода персов в Скифию находит свою поддержку и в сообщении Страбона (VII, 3, 14).

Еще более дискуссионным представляется взгляд на события начала V в. до н.э. в русле целенаправленной и чуть ли не планомерной политики так называемого Скифского царства (Виноградов 1983: 399-400; ср.: 1989: 85; Шеллов-Коведяев 1985: 66). Естественно, не следует исключать того, что на отдельных этапах степь или же ее значительные части могли объединяться под руководством одного вождя или рода. Следует подчеркнуть, однако, что такое объединение в условиях явного отсутствия сколь-либо значительной социально-экономической стратификации скифов степной зоны Северного Причерноморья VI и большей части V вв. до н.э. вряд ли было долговременным. Иными словами, существование политически единой кочевой Скифии от Дона до Дуная на сколько-нибудь продолжительных хронологических отрезках представляется в этой ситуации, по меньшей мере, весьма проблематичным.¹ Речь в данном случае чаще должна идти, пожалуй, о другом — о военно-политическом преобладании одной орды номадов над другими. Вполне возможно предположить также, что археологическим, материальным, если так можно выразиться, отражением именно такого, т.е. относительно раздробленного, состояния кочевого общества Северного Причерноморья этого и даже более позднего периода является наличие в степи нескольких больших более или менее компактных культурно близких, но отнюдь не тождественных групп памятников скифов, например: в дельте Дона, Северо-Восточном Приазовье и в Поднепровье.

Вернемся, однако, к событиям V в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье. Как представляется ныне, появление новых волн номадов с востока, дестабилизировав ситуацию в целом и приведя к запустению сельскохозяйственные окрестности апойки этого района, против ожидания, не повлекло за собой сколь-либо глубокого ухудшения экономического положения местных греков. Напротив, есть некоторые основания полагать, что по крайней мере

¹ Напомним, кстати, что об отсутствии единства у скифов по крайней мере во второй половине V в. до н.э. сообщает Фукидид (II, 79).

Истрия, Никоний и особенно Ольвия ничуть не замедлили своего дальнейшего развития. Они отнюдь не производят впечатления постоянно осаждаемых варварами городов, собиравших последние силы для отражения агрессии, терпевших нужду в предметах первой необходимости. Более того, в V в. до н.э. на их территории наблюдается явный расцвет строительной и хозяйственной деятельности (см., например: Секерская 1989: 49; Леви 1984: 36; Крыжицкий 1985: 63; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 94). Не отвергая в целом попытку объяснить столь удивительное на первый взгляд развитие событий решительной переориентацией экономики той же Ольвии на коммерческие рельсы (см., например: Лейпунска 1979: 129; Русяева, Скржинская 1979: 28; Виноградов 1989: 107-108), нельзя не предположить одновременно, что одна только торговля могла, по всей видимости, лишь отчасти компенсировать эллинам их утрату сельскохозяйственной продукции с заброшенных территорий. Нельзя забывать также, что в период всеобщей дестабилизации обстановки в Северном Причерноморье объем торговых операций греческих купцов с земледельцами лесостепной зоны вряд ли мог быть особенно большим. Не случайно поэтому исследователи фиксируют заметный упадок интенсивности экономических контактов ионийцев с хинтерландом этого района в середине - второй половине V в. до н.э. (Онайко 1960: 37; 1966: 11, 41-42, 52, 82-83).

Практически столь же сомнительным представляется ныне возможность решения этой загадки и за счет признания факта относительности запустения сельских территорий греческих колоний. Впрочем, археологические изыскания последних лет обнаружили немало разрозненных следов существования какой-то жизни на целом ряде бывших поселений окрестностей Ольвии позднеархаического времени и в середине-второй половине V в. до н.э. Более того, в настоящее время есть некоторые основания считать, что отдельные аграрные селения северо-западной части Понта продолжали функционировать без сколько-нибудь значительных (археологически улавливаемых) перерывов даже в наиболее экстремальных условиях. В числе такого рода пунктов можно назвать, к примеру, поселение Нунташ 2, расположенное в 12 км к западу от Истрии (Avgat 1990: 22) и сразу три памятника в округе Ольвии, а именно: Широкою балку (Русяева, Мазарати 1986: 52), Козырку 12² и, по всей видимости, Закисову балку (Отрешко 1975 а: 130). Таким образом, следует предполагать априорно, что сельскохозяйственное сырье продолжало поступать в эллинические города извне и по завершении процесса редукции оседлой жизнедеятельности в Север-

ной Добрудже и Нижнем Побужье. Все дело, однако, состоит в том, что даже при самых оптимистических расчетах действительный объем этой продукции явно не мог идти ни в какое сравнение с производимым на сельских поселениях более раннего периода, т.е. во время их наивысшего расцвета. Тем самым допустимо думать, что и указанное выше обстоятельство не было в состоянии обеспечить грекам не только дальнейшее повышение их стандарта жизни, но даже поддержать его на прежнем более чем скромном уровне. Как представляется, таким образом, единственным реальным выходом из крайне затруднительного положения, возникшего в результате запустения приморских территорий Северо-Западного Понта, могло стать только создание собственной базы производства необходимых продуктов земледелия под защитой крепостных стен колоний.

Итак, мы вновь возвращаемся к уже ранее отмеченной и, казалось бы, напрочь отброшенной нами идее появления в ближайших окрестностях греческих центров V в. до н.э. относительно небольшой, но хорошо организованной и в силу этого, несомненно, особенно эффективно эксплуатируемой хоры. Нетрудно заметить, однако, что на сей раз данная идея основывается на совершенно иных посылах. Она исходит из признания примата не внутри-, а внешнеполитических факторов, приведших к так называемому коллапсу аграрных поселений и к тому же явно не нуждается в опоре на платформу «стихийности» характера колонизации этого района (ср.: Крыжицкий, Отрешко 1986: 15). И это, разумеется, принципиально важно.

Какие же, однако, имеются конкретные доказательства наличия в V в. до н.э. сколь-либо обширных обрабатываемых угодий у ионийских городов Северо-Западного Причерноморья?

К сожалению, их крайне немного и, замечу, в отсутствие надежных хронологических привязок так или иначе выявленных древних следов размежевания окрестностей Истрии, Никония и Ольвии, все они косвенные. Исключение, пожалуй, до некоторой степени составляет лишь ольвийский декрет третьей четверти V в. до н.э., изданный в честь двух синопцев — тирана Тимесилея и его брата Теопрота, дарующий им в числе привилегий и право на приобретение земли, что, по мнению издателя этой псефизмы, «в условиях крайней редукции ольвийской хоры обеспечивало политическим изгнанникам из Синоп гарантию занятости в той же, что и прежде, сфере хозяйственной деятельности» (Виноградов 1989: 109-111). Как бы то ни было, но исследователи в этой связи обычно обращают внимание лишь на два факта археологии Нижнего Побужья интересующего нас времени, а именно: появление на территории Ольвии в V в. до н.э. большого количества зерновых ям, что, по их мнению, «свидетельствует о том, что население самого города, помимо ремесел,

² Материалы памятника не опубликованы. Любезное сообщение автора раскопок Е.Я.Рогова.

было вынуждено достаточно активно заниматься сельским хозяйством, очевидно, в связи с ликвидацией широкой хоры» (Крыжицкий 1979: 14; см. также: Лейпунская 1986: 44), и возникновение ольвийского предградья, население которого, будто бы, было призвано играть значительную роль в обработке ближайших к городу земель (Русяева, Скржинская 1979: 28).

Вместе с тем следует признать, что даже этот более чем скромный перечень доводов в пользу существования интенсивно используемых сельскохозяйственных угодий в окрестностях Ольвии должен быть изначально, по всей видимости, сокращен. Нельзя не заметить, что сам по себе факт наличия значительного количества зерновых ям на территории названной колонии еще не дает права для утверждения особой активности ее гражданского населения в непосредственном производстве хлеба и других видов продуктов питания для собственных нужд и на экспорт, поскольку товарный хлеб в принципе мог поступать в местные хранилища и в результате удачных коммерческих сделок ольвийских купцов, заключенных с варварами хинтерланда. Другое дело — энергичное участие в сельскохозяйственных работах жителей предградья. В последнем случае следует предположить уже априорно, что указанная точка зрения при некоторых обстоятельствах может оказаться вполне резонансной. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Что же нам известно об ольвийском предградье? Согласно опубликованным данным (Козуб 1979 а; 1979 б), непосредственно к западу от Ольвийского городища за пределами его оборонительных стен, на плато, ограниченном с юга 6-й юго-западной, с севера — 1-й западной дорогами, а с востока — западным склоном так называемой Заячьей балки, в V в. до н.э. существовало поселение, определяемое автором раскопок — Ю.И.Козуб — как *proasteion* Ольвии, т.е. место, где, по свидетельству Геродота (IV, 78), скифский царь Скил оставлял свое войско («свиту») при посещении города борисфенитов. Площадь предградья точно не установлена: до сих пор четко не определена его западная граница. Впрочем, нет никакого сомнения в том, что оно занимало весьма обширную территорию — от 10 до 15 га (Козуб 1979 б: 7).

К настоящему времени здесь, на памятнике, раскрыто около 30 строительных комплексов, целая серия хозяйственных и зерновых ям, погреба-хранилища, несколько наземных печей и две цистерны. Из указанного количества остатки 5 строительных комплексов отнесены к концу VI - началу V вв. до н.э. (Козуб 1979 б: 4). Четыре из них — круглые или овальные землянки площадью около 8 кв. м — обнаружены на прилиманной возвышенности, в южной части Заячьей балки, где, по мнению Ю.И.Козуб, функционировало поселение этого времени, составившее, быть может, одно целое с Ольвией,

лишенной «точно регламентированных границ» (Козуб 1979 б: 3). Пятый же — четырехугольный комплекс поселения площадью 15 кв. м — так называемое святилище, раскрыт на значительном расстоянии от первых, на противоположной северной части территории предградья (Козуб 1975).

Несмотря на крайне плохую сохранность названных объектов, есть все основания полагать, что они, включая и «святилище», в морфологическом и функциональном отношении представляли собой вполне обычные жилые и хозяйственные землянки и полуземлянки позднеархаического времени, хорошо известные по опубликованным материалам не только Ольвии и Березани, но и целого ряда относительно небольших сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья. Данное обстоятельство не позволяет мне вслед за автором раскопок считать их непременно составной частью застройки Ольвии VI в. до н.э., тем более что и сама датировка этих сооружений представляется несколько заниженной (Крыжицкий, Русяева 1978: 23).

Теперь вернемся к самому предмету нашего рассмотрения. Как свидетельствуют результаты археологических исследований, в первой половине V в. до н.э. или, точнее, ближе к середине этого столетия вся вышеозначенная территория предградья довольно плотно застраивается жилыми и хозяйственными постройками. С этого времени и вплоть до рубежа V-IV вв. до н.э. или даже конца первой четверти IV в. до н.э. (судя по опубликованным материалам, последняя дата кажется даже более предпочтительной) здесь функционируют однокамерные, главным образом подпрямоугольные в плане землянки и полуземлянки, в общем, вполне сходные с более ранними.

В этой связи особого внимания заслуживает еще одно обстоятельство. Создается полное впечатление, что жители предградья в течение всего как минимум 75-летнего периода его функционирования совершенно не использовали в строительстве камень; не обнаружено здесь и остатков наземных сооружений — явление в высшей степени странное и на первый взгляд трудно объяснимое, особенно если учесть большую продолжительность жизни на западном склоне Заячьей балки, с одной стороны, наличие довольно разнообразных и многочисленных наземных построек с каменными цоколями на рядовых сельскохозяйственных поселениях Нижнего Побужья уже с конца VI или самого начала V вв. до н.э., с другой, и близость самой Ольвии, где, по крайней мере, также с начала V в. до н.э. началось широкое строительство сырцово-каменных наземных сооружений различного назначения (Крыжицкий, Русяева 1978: 22), с третьей.

К сожалению, все эти важнейшие особенности памятника, по существу, были оставлены

без внимания. Как полагает Ю.И.Козуб, перед нами «реликтовая форма древнейших построек первых колонистов» (Козуб 1979 а: 317). Таким априорно вполне резонным объяснением, но объяснением чрезмерно кратким, а главное, совершенно не проясняющим причину устойчивости бытования относительно примитивных, архаичных структур в условиях предградья и ограничивается вся интерпретация этих фактов.

Итак, максимум жизнедеятельности на территории предградья падает на V в. до н.э., точнее, на середину-вторую половину столетия. Именно этим временем датируется и подавляющая масса культурных остатков, обнаруженная в довольно мощных (до 1,5 м) напластованиях памятника (Козуб 1979 б: 7). Нет сомнения, что полученный здесь в процессе исследований комплекс вещественных находок может дать вполне сбалансированное представление об облике и своеобразии материальной культуры жителей предградья. В настоящее время приходится констатировать, однако, что в нашем распоряжении имеется лишь суммарная количественная оценка отдельных категорий находок, данная к тому же в терминах живого языка, из которой закономерно вытекает совершенно рядовая для любого античного или подвергнувшегося сильно воздействию античной культуры поселения V в. до н.э. картина (см.: Козуб 1979 б: 27-29).

Аналогичное впечатление возникает и при рассмотрении типологического состава опубликованного вещественного материала (см.: Козуб 1979 б: 27-29). Совершенно очевидно, что сделанный на таком общем основании чрезвычайно ответственный вывод о безусловно греческом характере материальной и духовной культуры обитателей предградья (Козуб 1979 б: 29), нуждается, как минимум, в дополнительной аргументации, поскольку подобное соотношение и качественный состав групп находок известны в Северном Причерноморье не только на «чисто» эллинских памятниках, но и на поселениях с явно гетерогенным составом жителей (см., например: Щеглов 1978: 126).

Как представляется далее, суммарная характеристика материалов и сделанный на ее основе вывод об исключительно греческом характере комплекса предградья одновременно весьма затруднили, если не сделали невозможным, и поиск столь необходимого для нас ответа на кардинальный вопрос историко-культурной интерпретации — вопрос о базовой функции памятника.

В своих работах Ю.И.Козуб пытается подойти к решению этой проблемы от противного. По его мнению, предградье V в. до н.э. не имело оборонительного и производственного назначения (Козуб 1979 б: 29). И это — все. Нетрудно заметить, что интересный и, по всей видимости, правильный сам по себе вывод ничего, собственно говоря, не проясняет. И причины воз-

никновения, длительного функционирования и несомненного своеобразия жизни под стенами города так и остаются неразгаданными. А вместе с тем такие причины, несомненно, существовали и были достаточно серьезными, чтобы заставить часть населения Ольвийского полиса — греков, по мнению Ю.И.Козуб, — ютиться в относительно примитивных жилищах на совершенно незащищенном от вражеского нападения поселении.

Остановимся на вопросе о базовой функции предградья несколько подробнее и попытаемся рассмотреть имеющиеся в нашем распоряжении довольно скудные данные. Если исходить из опубликованных материалов, то, как уже отмечалось выше, отсутствие у предместья оборонительной и производственной функций представляется вполне доказанным. Несложнее, пожалуй, решается вопрос о возможности считать базовой сельскохозяйственную деятельность обитателей землянок и полуземлянок, поскольку отсутствие здесь ярко выраженных следов земледелия или скотоводства в виде остатков специфических орудий труда, сушильных печей, особенно большого количества зерновых ям, костей животных и т.п. еще не показательны: такие следы относительно редко фиксируются и на бесспорно аграрных селищах северо-западной части Понта VI-V вв. до н.э. И все-таки ответ на поставленный вопрос в рамках предложенной Ю.И.Козуб этнокультурной интерпретации памятника будет, скорее всего, отрицательным, ибо принятие иного вывода ставит перед нами необходимость разрешить явно неразрешимую загадку: почему, собственно говоря, для особенно интенсивного ведения сельского хозяйства именно в V в. до н.э. части греческих колонистов необходимо было обязательно селиться и жить на совершенно открытом поселении за пределами города, на расстоянии всего лишь одной-трех сотен метров от его стен? Не проще ли и спокойнее было бы заниматься этим же делом, проживая в самой Ольвии?

Отрицательный результат поиска базовой функции памятника в сфере его экономики заставляет обратить более пристальное внимание на события военно-политической и демографической истории Нижнего Побужья позднеархаического и классического периодов. С этих позиций наиболее правдоподобными и равноценными кажутся на первый взгляд объяснения появления поселения на западном склоне Заячьей балки в силу естественного постепенного (Козуб 1979 б: 3) или резкого искусственного увеличения числа жителей города за счет новой миграционной волны из разрушенного персами Милета (Русяева 1979: 9), либо населения его сельскохозяйственной округи (Крижицкий, Русяева 1978: 23-24).

Нет нужды специально останавливаться на первом из названных вариантов объяснения

образования предместья, поскольку его основательная критика уже высказана в печати (Крижицкий, Русяева 1978). Равным образом малоубедительным, хотя, конечно, и не невозможным, представляется и следующий, второй вариант, базирующийся, по всей видимости, исключительно на логическом допущении появления в начале V в. до н.э. в Нижнем Побужье эпойков из метрополии и вынужденном поселении их за пределами переполненного города, тем более что принятие этого варианта нисколько не приближает нас к объяснению длительности функционирования и устойчивого своеобразия предместья. Обратимся к рассмотрению последнего предположения.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время едва ли не общим местом стало признание факта прекращения жизни в первой трети V в. до н.э. на большей части поселений Нижнего Побужья позднеархаического времени. В связи с этим фактом предполагается, что если не все, то уж во всяком случае большинство вчерашних жителей аграрных поселений Ольвийской округи ушло в город (см., например: Рубан 1975: 131). Существует, правда, мнение, согласно которому какая-то часть переселенцев могла обосноваться на Березани (Отрешко 1975 б; Крижицкий, Русяева 1978: 24). С такой коррекцией событий согласиться, однако, трудно. Как установлено Л.В.Копейкиной, Березанское поселение в V в. до н.э. не только не расширяет своей площади, но даже сокращается в своих размерах (Копейкина 1975: 193-194). Другое дело — Ольвия. В данном случае действительно фиксируется явное увеличение территории города, и прежде всего — застройки в его нижней части. Одновременно возникает и предградье. Как полагают С.Д.Крыжицкий и А.С.Русяева, часть переселенцев по тем или иным причинам не смогла найти себе места в пределах границ города и была вынуждена поселиться на западном склоне Заячьей балки, где в результате и образовалось целое поселение (Крижицкий, Русяева 1978: 23; Крыжицкий 1979: 14).

Полностью принимая указанную точку зрения, нетрудно заметить, что предградье в рамках предложенной этнокультурной атрибуции оказывается чем-то вроде временного района города и нам, как будто, остается лишь выяснить природу причины или причин, заставивших ольвиополитов пойти на создание такого района. Итак, функция временного района — заключение, несомненно, интересное, но, к сожалению, также далеко не все проясняющее в истории с предградьем, а посему нуждающееся в уточнении.

В самом деле, как объяснить и в этом случае относительно примитивный облик района города не только на момент его возникновения, но и сохранившийся в течение всего периода существования, или, например, саму продолжительность функционирования временного

района за пределами оборонительных стен города. Необъяснимым остается и то долготерпение, с которым граждане Ольвийского полиса на протяжении трех поколений, т.е. в течение минимум 75 лет, мирились со столь очевидными неудобствами, как незащищенность целого района от вполне возможных посещений буйных скифов-кочевников, отсутствие близкорасположенных источников питьевой воды, относительная удаленность от центра общественной и религиозной жизни и т.д. И все это, заметим, в период несомненного экономического и культурного расцвета Ольвии.

Как представляется, единственная возможность устранения названных несообразностей находится в плоскости переосмысления принятой в настоящее время этнокультурной, либо социальной интерпретации памятника, либо той и другой вместе. Только таким образом, по-видимому, и могут быть сняты отмеченные противоречия и понята «оригинальность» некоторых характеристик предградья.

Прежде, однако, желательно хотя бы коротко, в самом общем виде, представить условия, в которых происходило образование поселения у западной границы города. Главное, на что необходимо обратить внимание в этой связи, — на вынужденность ухода большинства населения с хорошо обжитых, но совершенно неукрепленных, относительно небольших сельских селищ Нижнего Побужья позднеархаического времени. Естественно предположить, что возможности внешне немотивированного, свободного выбора места для нового поселения у какой-то части перебравшихся в Ольвию людей в создавшейся экстремальной ситуации могли оказаться довольно ограниченными, будучи обусловлены целым рядом различных факторов, и прежде всего величиной свободной от застройки городской территории.

Обращаясь теперь к вопросу о достаточности или недостаточности свободной площади в Ольвии в пределах ее естественных природных рубежей для размещения вновь прибывшей волны переселенцев, следует отметить значительность размеров пригодной для этих целей нижней, прилимманной части города. Согласно данным исследований последних десятилетий, жилая застройка Ольвии к началу V в. до н.э. охватывала в лучшем случае большую часть верхнего плато, ограниченного с юга, запада и севера Заячьей и Северной балками, а с востока крутыми склонами, ведущими к так называемому нижнему городу. Свободными в верхнем городе, вероятнее всего, оставались относительно небольшая территория к северу от раскопа АГД и «кургана Зевса» и, возможно, какая-то часть «цитадели» (Крижицкий, Русяева 1978). Совершенно иная картина вырисовывается на территории прилимманной части апоики. Здесь, если не считать все еще до некоторой степени гипотетических причалов и подсоб-

ных припортовых сооружений, до сих пор вообще не обнаружено сколь-либо существенных следов жилых построек позднеархаического времени (Крижицкий, Русяева 1978; Лейпунская 1979: 128). Подсчеты размеров этой, в принципе, вполне пригодной для заселения площади, произведенные с учетом величины современной трансгрессии вод Днепро-Бугского лимана, позволяют оценить ее в пределах 16-28 га (Шилик 1975: 12). Было ли этого достаточно для того, чтобы разместить всех желающих обосноваться в пределах городской черты, сказать, разумеется, трудно. Следует заметить все же, что приблизительная оценка предельно допустимого числа жителей нижнего города, произведенная на основе экстраполированных данных плотности застройки верхней части Ольвии второй половины VI - начала V вв. до н.э. (см.: Крижицкий, Русяева 1978: 24), дает число, едва ли не превышающее население всего города позднеархаического времени.

Не менее примечательным с этой точки зрения оказывается и то обстоятельство, что свободные, правда, существенно меньшие по размерам площади верхнего города в столь напряженный момент так и не были использованы для нужд недавних жителей аграрных селищ Нижнего Побужья и что северная граница Ольвии так и не продвинулась в это время к своему позднему естественному рубежу, т.е. к южному склону Северной балки. Таким образом, все вышеизложенные допущения и соображения, не давая окончательного ответа, позволяют все же полагать, что среди причин, заставивших часть переселенцев с берегов лиманов обосноваться на длительное время за пределами границ собственно Ольвии, у ее стен, скорее всего не было такой, как недостаток пригодной для жилой застройки площади.

Теперь, когда обрисованы некоторые обстоятельства, при которых, вероятнее всего, и происходило создание предградья, — опасность военного нападения со стороны кочевников, вызванное этой опасностью переселение значительной части сельского населения в город, возможность его расселения в пределах естественных границ Ольвии, — и обращено внимание на своеобразные, труднообъяснимые в пределах существующей интерпретации характеристики памятника, можно, наконец, перейти и к его этнокультурной атрибуции. Как представляется ныне, на сей счет вполне допустимо высказать следующие более или менее вероятные суждения, всячески подчеркивая их гипотетичность.

1. Внешнее сходство предградья с обликом позднеархаических сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья, с одной стороны, и совпадение во времени начала запустения хоры Ольвии с развитием жизни на западном склоне Заячьей балки, с другой, дает некоторые основания полагать, что какая-то часть покинувших берега лиманов жителей не осела в черте горо-

да, а поселилась у его стен.

2. Наличие в пределах естественных границ Ольвии V в. до н.э. весьма значительных свободных, годных под жилую застройку площадей делает выбор места этого поселения вполне сознательным.

3. Относительные неудобства стационарной жизни на территории предградья, связанные с отсутствием легко доступных источников питьевой воды, относительной удаленностью от центра общественной, хозяйственной и религиозной жизни, но главное, с отсутствием искусственных и естественных рубежей обороны в условиях существования потенциальной опасности военного нападения кочевников, ставили его жителей в несколько более сложное, худшее по сравнению с самими ольвиополитами положение. Такое же впечатление неравных условий и возможностей возникает и при сопоставлении относительно более скромного, архаичного, правильнее сказать, примитивного быта обитателей предградья с жизнью в самом городе.

4. Отсутствие видимых серьезных причин продолжительной жизни полноправных граждан на территории предградья в сфере его экономики, отсутствие заметных попыток Ольвийского полиса на протяжении всего V и начала IV вв. до н.э. хоть как-то изменить, улучшить условия существования жителей этого поселения приводит к мысли, что в основе констатируемого бытового неравенства могло лежать неравенство социальное, в том числе связанное и с этническим происхождением. Иными словами, создается впечатление, что район к западу от Ольвии в V в. до н.э. мог быть заселен группой (категорией) лиц, находившихся на сравнительно низкой ступени социальной лестницы античного общества Нижнего Побужья позднеархаического — раннеклассического периодов.

5. Поскольку, однако, эта социальная группа (категория) людей пришла сюда, под стены Ольвии, скорее всего, из сельскохозяйственных селищ Нижнего Побужья, где достаточно четко прослежены следы присутствия гетерогенного варварского элемента, будет логично предположить в ее составе прежде всего наличие ближайших потомков представителей различных аборигенных племен Северного и особенно Северо-Западного Причерноморья, по тем или иным причинам попавших в орбиту действия экономики и культуры греческой общины и в силу этого подвергшихся эллинизации.

6. Довольно большие размеры и интенсивный характер жизни предградья на протяжении середины V - начала IV вв. до н.э. позволяют примерно оценивать удельный вес предполагаемой социальной группы (категории) как весьма значительный.

7. Компактное проживание эллинизованных туземцев за городскими стенами заставляет думать, что речь в данном случае может идти о какой-то форме коллективной зависимости. При

этом главным, если не единственным, родом занятий обитателей предградья должна была являться работа по обеспечению продуктами сельского хозяйства полноправного греческого населения Ольвии. Тем самым, как кажется, у нас появляются некоторые основания предполагать в ближайших окрестностях города V в. до н.э. наличие достаточно обширных и энергично обрабатываемых земельных участков, принадлежавших гражданскому коллективу этого полиса.

8. Практическая синхронность прекращения жизни на территории предградья с развитием нового этапа внутренней колонизации Ольвией Нижнего Побужья, падающем на начало IV в. до н.э., равно как и большой размах этой колонизации, создают впечатление, что Ольвийскому полису, несмотря на значительную временную протяженность неблагоприятного периода, все же удалось сохранить часть своих сельскохозяйственных рабочих и использовать их в процессе создания новых аграрных поселений.

9. Возвращаясь, таким образом, к вопросу о базовой функции предградья, можно определить ее одним словом — резервация.

10. И последнее. Следует учитывать, что любая этнокультурная интерпретация предградья, вероятно, не позволяет видеть в нем место, где многочисленная «свита» скифского царя Скила пребывала продолжительное время в ожидании своего повелителя. Такое определение памятника представляется крайне дискуссионным, поскольку, во-первых, нет никаких оснований пересматривать достаточно корректный комментарий В.В.Латышева, трактовавшего слово *το προαστειον* как «просто открытую местность перед городом» (Латышев 1887: 41-42, прим. 8), и, во-вторых, вызывает сомнение само стремление, да и возможность длительного пребывания конного войска скифов в относительно жестких, непривычных условиях стационарного поселения, к быту и занятиям жителей которого они явно должны были испытывать род презрения.

Итак, мы завершили рассмотрение материалов предградья и, по всей видимости, имеем теперь право предположить, что даже при вполне вероятной диверсификации экономики Ольвии в первой половине V в. до н.э., обусловленной необходимостью поисков новых источников продуктов, ее надежной основой являлось, скорее всего, все-таки сельское хозяйство, базировавшееся на вновь созданной (или реорганизованной?) собственной хоре, расположенной в ближайших окрестностях этого города. Таким образом, одним из основных итогов анализа событий этого времени становится окончательное признание факта дальнейшего ускоренного развития Ольвии, да, почти несомненно, и всех остальных эллинских центров Северо-Западного Причерноморья в период резкого обострения военно-политической и демографичес-

кой обстановки в регионе. Совершенно очевидно, однако, что столь явное проявление поистине удивительной жизнеспособности колоний ионийцев в данной ситуации требует специального объяснения.

Первое, на что следует обратить особое внимание в этой связи, — опять-таки на отсутствие следов военных разрушений открытых селищ Нижнего Побужья, Нижнего Поднестровья и, вполне вероятно, Северной Добруджи. Можно предположить, таким образом, что их обитатели по большей части имели возможность беспрепятственно, т.е. в более или менее спокойной обстановке, покидать обжитые места, унося при этом с собой весь мало-мальски ценный скарб. Замечу также, что отсутствие бесспорных следов мощного одноразового удара кочевых орд может быть, по-видимому, отмечено и во всех остальных областях Северного Причерноморья, в том числе и в районах проживания скотоводческо-земледельческих племен Среднего Поднепровья. Речь, скорее, должна идти о несколько растянутом и все нарастающем во времени давлении степняков. Более того, есть достаточно веские основания полагать, что многочисленное и, судя по погребальному обряду, весьма воинственное население лесостепной зоны Днепровского Левобережья вполне успешно и без серьезных потерь для своей культуры отразило натиск кочевников (Шрамко 1987: 19; Моруженко 1989: 33). Аналогичная ситуация, наконец, должна быть отмечена и по отношению к объединившимся перед лицом скифской угрозы городам Боспора (Виноградов 1983: 348 сл.; Толстиков 1984). Словом, нельзя не думать, что появившиеся в степном коридоре Северного Причерноморья с востока в самом начале V в. до н.э. номады изначально, видимо, не обладали достаточной пробивной силой для нанесения сокрушительного удара по прежним хозяевам региона.

Вместе с тем, отмечая это, с моей точки зрения, весьма вероятное обстоятельство, резонно предположить, что даже относительная слабость новоявленных обитателей степи сама по себе решительно ничего не может прояснить в случае, когда дело касается стабильности развития небольших, географически изолированных друг от друга греческих опорных пунктов Северо-Западного Причерноморья, а тем более существования в их окрестностях какого-то фонда постоянно обрабатываемых земельных угодий и пусть одиночных, но фактически совершенно беспомощных аграрных поселений. Вряд ли их безбедное функционирование могло быть обеспечено силами лишь одного гражданского коллектива колоний, даже если они и попытались в той или иной степени объединить свои усилия (ср.: Виноградов 1989: 91). Суть дела, по-видимому, в ином — в опоре греков на военную мощь и авторитет той части самих варваров, которые были в наибольшей степени за-

интересованы в поддержании и дальнейшем развитии с ними самых тесных взаимовыгодных экономических и иного рода контактов. Как полагает Ю.Г.Виноградов, именно в это время Ольвия и, по всей видимости, все остальные эллинские апоикии северо-западной части Понта впервые отдают себя под протекторат правителей Скифского царства (Виноградов 1989: 90-109).

Нет нужды детально останавливаться на рассмотрении конкретно-исторического содержания весьма плодотворной в своей основе идеи варварского протектората в представлениях названного автора. Гораздо важнее другое — вновь обратить внимание на факт отсутствия в степной зоне Северного Причерноморья конца VI - первой половины V вв. до н.э. сколь-либо явственных следов (в археологическом выражении, разумеется), подтверждающих существование здесь единого и политически стабильного во временном отношении общественного образования номадов — так называемого Скифского царства, обладавшего к тому же, якобы, «мощным экономическим и военным потенциалом» (Виноградов 1989: 84; ср.: Хазанов 1975: 229). Археологические реалии этого периода отражают, скорее, состояние крайней неустойчивости, раздробленности и баранты в регионе. Таким образом, речь, по всей видимости, может идти в лучшем случае о правителях какого-то более или менее крупного подразделения кочевников, которые за определенную плату (форос) взяли в этих условиях под свою защиту греческие центры интересующей нас территории, например, тех же царских скифов Геродота, с большим или меньшим правом считавших остальных обитателей Северного Понта своими рабами (Herod, IV, 20).

Но этого мало. Есть некоторые резоны полагать, что в своей основе проблематична сама вероятность отношений протектората именно со стороны номадов этого времени, во всяком случае, в том развитом облике стабильной внеэкономической эксплуатации греческих полисов, которые в этих отношениях вполне справедливо усматривает Ю.Г.Виноградов. Нельзя забывать, что в первой половине V в. до н.э. новые группы пришельцев с востока находились еще на стадии завоевания родины. Они только что появились в степном коридоре Северного Причерноморья и в силу этого обстоятельства просто не могли обладать достаточно длительным опытом культурных контактов с местными колониями, способным пробудить действительный интерес туземной знати к столь упорядоченному контролю над хозяйством ионийцев. Впрочем, судя по тому, что нам известно о материальной культуре вновь появившихся обитателей степной зоны первой половины указанного столетия, кочевники этого времени, по всей видимости, даже не имели достаточно четко выраженной социальной стратификации своего об-

щества. И то и другое пришло к ним позже — начиная с последней трети V в. до н.э. Зато такой стратификацией и таким опытом контактов с эллинами в полной мере обладали прежние хозяева региона — полуседлое население лесостепной зоны Северного Причерноморья и северной части Добруджи.

Итак, не перечеркивая полностью стремление ряда исследователей видеть в защитниках греков V в. до н.э. от нападений мелких групп варваров, по тем или иным причинам не объединенных «под эгидой царственных наследников победителей Дария», вождей более крупных объединений номадов, тех же царских скифов (Виноградов, Доманский, Марченко 1990; Виноградов 1989: 91), мы тем не менее оказываемся перед необходимостью выяснить возможность выбора на эту специфическую роль новых кандидатов из числа автохтонных жителей Причерноморья. При этом, очевидно, из этого ряда претендентов изначально следует исключить, по-видимому, обитателей Днепровского лесостепного Правобережья, поскольку в первой половине V в. до н.э. они, судя по всему, довольно быстро утратили свое былое значение и, попав в зависимость от номадов, наверное, сами нуждались в активной поддержке (ср.: Скорый 1997: 69 сл.). Несколько более сложным представляется на первый взгляд решение вопроса о воинственных племенах Днепровского Левобережья. Как отмечалось выше, это население, в общем, довольно успешно отразило натиск кочевников с юга. Однако надо признать, что в данном случае у нас просто нет никаких реальных материалов, которые можно было бы истолковывать в качестве свидетельства прямого или хотя бы косвенного участия местных жителей в событиях первой половины V в. до н.э., протекавших в степной зоне северо-западной части Понта. Таким образом, в нашем распоряжении остается лишь одно — обратиться к рассмотрению соответствующих фактов археологии раннего железного века Северной Добруджи.

Первое, на что, пожалуй, необходимо обратить самое пристальное внимание в данной связи, — на более чем вероятное вхождение этого района в зону расселения кочевников скифской архаики. Во всяком случае, именно этим обстоятельством логичнее всего объяснять прекращение существования в первой половине - середине VII в. до н.э. поселений так называемой культуры Бабадаг III, приписываемой гетам (см. также: Alexandrescu 1990: 49, 63; ср.: Avram 1990: 18). Равным образом допустимо предположить, что здесь, как, по-видимому, и во всех остальных случаях, номады в результате насильственного захвата новой родины образовали верхний пласт, своего рода элиту, в социальной структуре местных скотоводческо-земледельческих образований. Вполне естественно также думать, что с этого времени в Истро-Пон-

тийской зоне на полную мощность был включен механизм культурной интеграции относительно небольшого числа завоевателей в иноэтничную среду туземного населения. Именно это последнее обстоятельство крайне затрудняет, а подчас просто делает невозможным сколько-нибудь четкое выделение северопричерноморского культурного элемента в Северной Добрудже интересующего нас времени. Особые сложности при этом, однако, возникают в связи с тем, что степень изученности памятников варварской части населения этого района оставляет до сих пор желать много лучшего.

Тем не менее вполне определенные данные на сей счет все-таки имеются. Наиболее показательными в их числе, несомненно, являются материалы курганного могильника Валя-Чиликулуй (Челик-Дере) VI-V вв. до н.э. (у с. Телица на правом берегу Нижнего Дуная), демонстрирующие нам многочисленные параллели и аналогии с туземными памятниками скифской архаики Северного Причерноморья (Simion 1992: 26 și urm.). Примечательно и то, что в состав погребального инвентаря этого комплекса, наряду с прочими вещами скифской культурной принадлежности, входили бронзовые втульчатые наконечники стрел келермесского и жаботинского типов, костяные грибовидные застежки колчанов или горитов, образцы лепной керамики типов, характерных прежде всего для памятников лесостепной зоны Северного Причерноморья, фрагменты восточнореческой импортной посуды. Все это вместе взятое позволяет датировать древнейшие захоронения кочевников временем не позднее конца VII в. до н.э.

В этом же ряду данных укажем на наличие в составе вещественных находок с ранних поселений округа Истрии лепной посуды, совершенно аналогичной керамике лесостепной зоны Северного Причерноморья (см., например: Pippidi, Berciu 1965: 91, fig.16; Moscalu 1983: 54, 170-171). Напомним также, что обломки типично северопонтийской посуды VI - начала V вв. до н.э. составляют довольно заметную долю керамического комплекса так называемого предградья, или поселения *extra mures* этой колонии (Dimitriu 1966: 55-56, 498. p.1. 66, №№ 874, 878, 885, 887, p.499, p.1.67, №№ 897-899, 900, 902, 906). Равным образом известно, что, кроме лепной посуды, на территории «предградья» Истрии и поселения Тариверде (в 18 км к западу от Истрии) обнаружены детали конской сбруи скифского облика VI в. до н.э. (Berciu 1963; Мелюкова 1976: 108, рис.1, 1, 2; Alexandrescu 1990: 65), а также наконечники скифских боевых стрел этого же времени (см., например: Berciu, Preda 1961: fig. 5, 1; Мелюкова 1979: 106; ср.: Никулицэ 1987: 38-40). Крайне любопытно отметить, наконец, в связи со всем вышеизложенным, что до сих пор единственная небольшая серия подкурганых захоронений туземной знати середины VI - начала V вв. до н.э., открытая рядом с

«предградьем» на месте будущего некрополя Истрии, по совершенно справедливому замечанию автора раскопок П.Александреску, вполне определенно содержала целый ряд черт обряда и предметов из состава погребального инвентаря, в том числе, кстати, и фрагменты лепной керамики, прежде всего свойственной для северопонтийского племенного мира варваров (Alexandrescu 1990: 65-66).

Таким образом у нас, как кажется, есть некоторые основания предполагать пребывание скифов в Добрудже еще задолго до начала V в. до н.э. (ср.: Мелюкова 1979: 239). При этом нет никаких сомнений в том, что по крайней мере внешний облик культуры этой группы бывших завоевателей уже во многом отличался от принесенного ими с собой и, по всей видимости, более всего напоминал гетский. Однако столь же очевидно и то, что сам факт наличия отмеченных и, бесспорно, скифских признаков в ее структуре позволяет говорить о том, что еще далеко не все элементы традиции были утрачены ими к моменту появления в степном коридоре Северного Причерноморья новой волны номадов. Не случайно поэтому, быть может, придунайские геты даже в V в. до н.э. все еще более всего напоминали грекам кочевников-скифов (Thuc., II, 96, 2; 98, 4; см. также: Weiss 1912: sp.1932).

В заключение данного пассажа нам остается лишь еще раз напомнить о существовании самой тесной и весьма продолжительной связи туземцев ближайшей округи Истрии с ее греческим населением. Заметим также, что наиболее ярким показателем глубины этой связи, на наш взгляд, является использование греками северо-западной части Понта, жителями Истрии прежде всего, в торговле с местными варварами весьма своеобразной формы протодегек, выполненных в виде двупластной стрелы скифов VI в. до н.э. (ср.: Avram 1990: 24).

Вернемся, однако, к исходному пункту нашего поиска наиболее вероятных претендентов на роль протекторов ионийцев в первой половине V в. до н.э. Как представляется ныне, одним из важнейших результатов только что проведенного рассмотрения археологических материалов позднейархаического времени Северной Добруджи становится возможность включения в их число какого-то объединения туземцев Истро-Понтийской зоны. Совершенно очевидно, впрочем, что само по себе такое включение, проведенное нами лишь на уровне интерпретации крайне скудных и к тому же далеко не однозначно трактуемых современными исследователями фактов археологии раннего железного века, по существу является не чем иным, как просто осторожным предположением. Тем не менее, оно все-таки допустимо и, главное, в его пользу могут быть найдены дополнительные и независимые от археологических материалов аргументы, способные, как кажется, придать занятой

нами позиции вид более или менее обоснованной гипотезы.

Солидным подкреплением высказанной точки зрения на сей раз оказываются прежде всего данные античной литературной традиции, содержащиеся в IV книге Геродота. Первое, на что необходимо обратить внимание в этой связи, — на само название северной части Добруджи: старая, или древняя Скифия (Herod., IV, 99, 2), свидетельствующее, быть может, также в пользу относительно раннего проживания скифов на этой территории (см. также: Марченко, Вахтина 1997: 178 сл.; ср.: Куклина 1985: 58-59). Равным образом нельзя не обратить внимание и на то, что буквально все (NB!) сообщения отца истории о наиболее вероятных, с точки зрения Ю.Г.Виноградова, протекторах ионийцев первой половины V в. до н.э. — скифских «царях» Ариапифе, Скиле и Октамасаде (Herod., IV, 78-80) — географически ограничены лишь одной областью Северного Причерноморья — его западной, а отнюдь не восточной, частью, где, по всей видимости, располагались кочевья так называемых царских скифов Геродота (IV, 20); этой же областью, как известно, ограничиваются и все находки монет V в. до н.э., приписываемых «царям» скифов и их наместникам (Карышковский 1984; 1987; Виноградов 1989: 93-94, 106-107). Но и это еще не все. Как показывает даже беглый анализ все тех же глав текста «Скифского логоса», большинство событий, так или иначе связанных с жизнедеятельностью названных выше туземных династов, происходило на еще более узком участке степей — в районе Подунавья. Напомню, наконец, что здесь же, в окрестностях Истрии, где находилось единственное из до сих пор известных нам родовых кладбищ правителей местного населения, был обнаружен и вполне материальный свидетель этих событий — золотой перстень Скила и, возможно, одного из его венценосных предшественников — Аргота (Виноградов 1980). Тем самым можно думать, что именно Северная Добруджа с примыкавшими к ней с севера степями являлась основной территорией пребывания скифов, возглавляемых Ариапифом-Скилом-Октамасадом.

В заключение данного сюжета нам остается лишь дать небольшую корректуру версии скифского протектората первой половины V в. до н.э., разработанную Ю.Г.Виноградовым. Сразу же замечу, что предлагаемая коррекция событий ни в коей мере не затрагивает саму идею и основное содержание зависимости ионийских полисов Северо-Западного Причерноморья этого времени от варваров. Речь идет о другом — о внесении ряда более или менее оправданных изменений в наши представления о конкретном носителе властных функций и, отчасти, самом ходе развития процесса отношений подчинения.

Начать следует, по-видимому, с самого начала — с напоминания факта отсутствия сколь-либо значительных групп скифов в степном ко-

ридоре Северного Понта в момент появления здесь первых постоянных выселков ионийцев. Напомним также, что наиболее вероятными зонами расселения кочевников скифской архаики стали прежде всего территории обитания разнотуземных оседлых и полuosедлых скотоводов и земледельцев этого и соседних с ним регионов. В число последних, вполне вероятно, входил и район Северной Добруджи. Такое, до известной степени раздробленное, расселение кочевников VII в. до н.э. явно не способствовало созданию в Северном Причерноморье политически монолитного долговременного общественного образования варваров.

Как представляется далее, вскоре после основания греками своего древнейшего поселения в дельте Дуная здесь, рядом с Истрией, довольно быстро, не позднее самого начала VI в. до н.э. во всяком случае, начинает формироваться более или менее крупное потестарное объединение туземцев, возглавляемое скифской аристократией, вступившей в длительные и самые непосредственные взаимодействия с колонистами. Основой этих взаимодействий являлось, скорее всего, некое соглашение, так или иначе регулирующее отдельные стороны жизнедеятельности выходцев из Эгеиды (см. также: Avram 1990: 24-25). Нельзя не учитывать во всяком случае, что только вполне доброжелательное отношение к переселенцам со стороны варваров могло создать достаточно надежные условия для перехода греков уже во второй четверти VI в. до н.э. к непосредственному освоению экономического потенциала близрасположенных территорий путем создания здесь небольших и, по-видимому, неукрепленных сел. Более того, именно покровительственное отношение туземной элиты, так или иначе контролировавшей прилегавшие к Добрудже с севера степные пространства, позволило Истрии во второй половине названного столетия распространить свое экономическое влияние далеко на восток, вплоть до территории Нижнего Поднепровья по крайней мере, где как раз ею, быть может, и был создан один из основных опорных пунктов ионийцев Северо-Западного Понта позднеархаического времени — Никоний (Avram 1990: 24). Таким образом, как кажется, не будет слишком уж большой смелостью предположить, что сам институт протектората скифов по отношению к грекам, основанный на какой-то, но, несомненно, обоюдодоприемлемой для обеих сторон договорной основе, мог зародиться гораздо раньше, нежели это было отмечено Ю.Г.Виноградовым, — еще в первой половине VI в. до н.э. (см. также: Preda 1985: 265-266). Другое дело, что в начале V в. до н.э. ему, по-видимому, невольно был придан прежде всего характер ярко выраженного оборонительного союза.

Первым вполне вероятным толчком, способным повлечь за собой радикальные изменения

в устоявшемся характере отношений греков и варваров в районе Подунавья, в принципе уже мог стать так называемый скифский поход Дария I Гистаспа, обычно датируемый исследователями 519 г. до н.э. (см., например: Виноградов 1989: 81; Alexandrescu 1990: 66, 86, Anm., 146 bis; ср.: Черненко 1984: 11). Впрочем, следует допускать, что кратковременность этого мероприятия должна была лишь ненадолго динамизировать военно-политическую обстановку в Истро-Понтийской зоне. Как явствует из дошедших до наших дней справок античной литературной традиции, основной удар персов пришелся, скорее всего, все-таки в пустоту и в целом не затронул местных жителей (см.: Herod., IV, 120-142; Strab., VII, 3, 14).

Значительно более масштабные последствия в этом смысле имели события начала следующего века, когда туземное население Северной Добруджи, по всей видимости, вынуждено было развернуть упорную и не во всех случаях удачную борьбу с только что возникшим и ставшим стремительно расширять свои владения на север, в сторону Истра, молодым царством одрисов Тереса и его сына Ситалка.³ Напомним также, что примерно в это же время с другой стороны, на востоке, в зоне жизненных интересов обитателей Истро-Понтийского района, начали появляться первые группы новой волны воинственных номадов, а на северо-западных рубежах у скифов, судя по замечанию Геродота (IV, 78, 2), возникли серьезные трения с агафирсами Спаргапифа. Словом, создается вполне отчетливое впечатление, что жители Подунавья первой половины - середины V в. до н.э. в конечном счете оказались в плотном кольце окружения враждебных и по большей части весьма сильных в военном отношении соседей. Нетрудно заметить, таким образом, что в результате этого окружения здесь, в северо-западной части Понта, образовалось нечто, довольно близко напоминающее по своим историко-географическому, этнокультурному и военно-политическому состояниям так называемую Малую Скифию Страбона (VII, 4, 5). Именно в этой критической ситуации и должно было произойти всемерное упрочение связей постоянных обитателей «Малой» (или правильной сказать — «Древней») Скифии — скифов Ариапифа-Ски-

ла-Октамасада и греческих общин района, и именно в это время их отношения должны были принять облик оборонительного, а при случае, быть может, и наступательного союза, главенствующей и, надо полагать, далеко не бескорыстной силой которого, безусловно, являлись варвары.

Нет нужды специально останавливаться на рассмотрении конкретных проявлений и самом содержании явно неравноправного в своей основе союза греков и варваров в Северо-Западном Причерноморье первой половины V в. до н.э.: такая работа, как уже отмечалось выше, в полной мере проделана недавно Ю.Г.Виноградовым. Гораздо важнее для нас в данном случае обратить внимание на то, что как раз в это время здесь, на территории «Древней Скифии», в процессе создания отношений протектората был достигнут наивысший уровень культурных взаимодействий и взаимовлияний ионийцев и скифов, выразившийся, в частности, в появлении в среде местной аристократии первых вполне эллинизованных представителей туземной элиты, выпуске отдельными греческими полисами серий монет, удостоверяющих сюзеренитет скифских династов, и, главное, в формировании целостной системы вполне упорядоченного контроля варваров над экономической сферой жизнедеятельности колоний (Виноградов 1989: 93-109). Впрочем, как представляется ныне, почти весь накопленный опыт взаимодействий греков и варваров в этом районе был вскоре утерян. Не позднее начала второй половины V в. до н.э. старая скифская аристократия Подунавья, по всей видимости, полностью утратила свое бывшее значение и либо распалась под ударами своих грозных противников, либо была подчинена одрисами Ситалка и окончательно растворилась в иноэтничной среде гетов. С этого момента и вплоть до начала экспансии сарматских племен на запад единственными хозяевами северо-западной части Понта, за исключением Добруджи, становятся кочевые орды скифов, пришедшие в степной коридор Приднепровья еще в первой-второй четвертях названного столетия. Тем самым была окончательно закрыта первая (архаическая) и открылась новая (классическая) страница в истории развития греко-варварских отношений в этом районе. Наиболее ярким и одновременно, на мой взгляд, наиболее существенным следствием кардинального изменения военно-политической и демографической обстановки в Причерноморье явилась реколонизация сельских территорий Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья.

Начало нового, второго по счету подъема оседлой жизни на сельской территории Нижнего Побужья в настоящее время определяется несколько по-разному: от 400 г. до н.э. (Рубан 1978: 41; 1985: 34-35) до начала и даже первой половины IV в. до н.э. (Рубан 1975: 131; 1988: 18; Доманский 1981: 162-163; Отрешко 1982: 37-

³ Вполне допустимо предполагать вслед за Ю.Г.Виноградовым, кстати, что хронологический отсчет этой конфронтации следует вести от момента военного набега скифов на Фракию (Виноградов 1989: 85-86), предпринятого ими, как полагает большинство специалистов, в 496-435 гг. до н.э. (см., например: Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 389-390, ком.317, 319; Виноградов 1989: 85; Alexandrescu 1990: 67). Равным образом, нельзя исключать и того, что так называемое первое разрушение Истрии, датируемое ныне П.Александреску также первым десятилетием V в. до н.э. (1990: 67), может быть опять-таки связано с началом кровопролитной борьбы скифов с фракийцами.

38; Виноградов 1989: 138). Сразу же замечу, что имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные (см., например: Марченко 1983; 1985; 1987; Виноградов, Марченко 1986: 66-67; Марченко, Доманский 1986: 48, 55) позволяют внести существенный корректив в уже высказанные на сей счет в печати соображения и догадки. Они заставляют думать, что первые признаки нового оживления сельскохозяйственной деятельности в округе Ольвии, да, по-видимому, и остальных греческих центров северо-западной части Понта, следует относить к значительно более раннему времени — последней трети V в. до н.э. (см. также: Виноградов, Марченко 1985; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 99). Впрочем, столь же очевидно, пожалуй, и другое — постепенность нарастания процесса заселения берегов древних лиманов этого района, принявшего действительно большие размеры лишь в первой трети следующего столетия.

Что касается самих масштабов реколонизации, охватившей в целом весьма продолжительный период — от последней трети V до первой трети III вв. до н.э. по крайней мере, — то, судя по опубликованным материалам (см., например: Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан 1980: карта; Охотников 1983: 103; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 98, рис. 35; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 44 сл.), они явно и намного превосходили соответствующие параметры освоения аграрных территорий позднеархаического периода. Достаточно сказать, что только в Нижнем Побужье археологическим путем ныне зафиксированы следы функционирования более чем 150 населенных пунктов этого времени; несколько меньшее, но все-таки тоже весьма впечатляющее количество сельских поселений — около 85 единиц — было, по-видимому, основано тогда же и в Нижнем Поднестровье. Следует заметить, правда, что значительная часть памятников такого рода скорее всего представляла собой лишь временные или сезонные стоянки рыбаков, скотоводов или земледельцев (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 101-102). Тем не менее можно считать, что и в данном случае речь идет опять-таки о достаточно крупном хозяйственном, культурном и, безусловно, демографическом явлении в истории античного населения Северо-Западного Причерноморья.

В числе главных причин, вызвавших указанное явление к жизни, исследователи обычно называют несколько, а именно: реорганизацию земледельческой территории Ольвии (Рубан 1978: 41; 1988: 18), интенсивное оседание туземцев на землю (Доманский 1981: 162-163), появление эпойков из метрополии (Отрешко 1982: 37-38; Рубан 1988: 18), уничтожение скифского протектората над Ольвией и другими греческими городами Северо-Западного Причерноморья и связанное с этим уничтоже-

нием свержение местной тирании, повлекшее за собой «стремление обновленного Ольвийского государства восстановить одну из главных отраслей своей экономики, нормальное функционирование которой было некогда нарушено диктатом варваров» (Виноградов 1981: 26; 1989: 138), и, наконец, просто экономическую активность этого полиса в конце V — III вв. до н.э. (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 100).

Переходя теперь к оценке существующих точек зрения и изначально признавая за ними в той или иной степени право на существование, — особенно что касается мнения о заинтересованности греческих колоний в деле оптимизации своих сельскохозяйственных владений, являвшихся основой их благосостояния, — замечу все же, что ни одна из них не может, на мой взгляд, считаться полностью удовлетворительной.

Наименее вероятным, хотя, разумеется, и не невозможным, выглядит предположение о появлении в районе Ольвии новой волны эпойков из метрополии. Будучи основано почти исключительно на логическом допущении, оно к тому же, по всей видимости, исходит из абсолютизации явно дискуссионного тезиса о преимущественно эллинском составе обитателей многочисленных аграрных селищ. При этом, как кажется, совершенно не учитываются по меньшей мере еще два немаловажных обстоятельства: одновременный подъем оседлой жизнедеятельности во всех остальных районах греческой колонизации Северного Причерноморья, в том числе, кстати, в Северной Добрудже (см., например: Zimmermann, Avram 1987: 27) и на Боспоре (см., например: Масленников 1987; 1998), но главное — значительную хронологическую растянутость нарастания темпов заселения сельских территорий Нижнего Побужья, максимум которого приходится уже на раннеэллинистический период (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 100).

Значительно более приемлемым (доказанным), но все-таки также односторонним решением задачи представляется и другой подход, ставящий во главу процесса реколонизации оседание номадов на землю. В данном случае, как очевидно, вне поля зрения анализа существа дела во многом оказывается довольно многочисленная группа разнообразных археологических фактов, прямо свидетельствующих в пользу не только опосредованного (культурного и экономического), но и прямого (физического) участия эллинов в освоении целого ряда новых аграрных поселений в окрестностях собственных колоний. Отмечу также, что, судя по всей совокупности материалов степной зоны Северного Причерноморья, указанное явление, т.е. оседание туземцев, приняло интенсивный характер гораздо позднее начала второго этапа заселения сельских районов Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья — в середине-второй поло-

вине IV в. до н.э.

В значительной степени мимо цели бьет, наконец, и идея о стремлении Ольвийского полиса восстановить свою запустевшую хору только после радикального преобразования своей политической системы — перехода к демократии, происшедшего, по-видимому, лишь в начале IV в. до н.э. (Vinogradov 1981: 26; Виноградов 1989: 135 сл.; ср.: Рубан 1985: 34; 1988: 18). Как уже упоминалось выше, имеющиеся на сей счет в настоящее время данные однозначно показывают, что первые признаки нового оживления сельскохозяйственной деятельности на территории Нижнего Побужья, причем не только в непосредственной близости от Ольвии, но и на значительном удалении от ее стен, следует относить к более раннему времени — последней трети V в. до н.э. Тем самым ставится под сомнение вероятность прямой связи начала этого явления только с надежно установленными внутривосточными событиями в самом полисе, поскольку последние, по всей видимости, могли в лучшем случае лишь способствовать ускорению уже начавшегося ранее процесса, т.е. придать ему большую, чем прежде, энергию и организованность.

Вернемся, однако, к исходному пункту поиска наиболее вероятных причин реколонизации и, с учетом положительных сторон только что рассмотренных нами точек зрения на проблему, попытаемся найти наиболее приемлемое решение этой задачи. Начать, по-видимому, следует еще раз с подтверждения факта прямой заинтересованности греческих полисов Северо-Западного Причерноморья в максимальном расширении своих сельскохозяйственных владений, являвшихся главной опорой их благосостояния. Равным образом столь же очевидным представляется и то, что размеры этих владений изначально во многом определялись количеством трудоспособного населения колоний и наличием или отсутствием свободного фонда легкодоступных и вполне пригодных для обработки земельных участков в их окрестностях; не менее важным условием достижения оптимальных размеров хоры должна была являться, наконец, и соответствующая, т.е. достаточно благоприятная, военно-политическая обстановка в регионе, позволяющая грекам в полной мере использовать наличествующие на данный момент ресурсы.

Оценивая под указанным углом зрения ситуацию в Нижнем Побужье и Нижнем Поднестровье в канун нового подъема оседлой жизнедеятельности, свидетельствующую в пользу заметного роста народонаселения эллинских центров и крайне малой заселенности аграрных территорий, можно уверенно предположить, что основным, если даже не единственным, камнем преткновения на пути максимального освоения экономического потенциала названных районов являлась все еще существующая угроза воен-

ных акций со стороны кочевников. Именно это последнее обстоятельство, на мой взгляд, и определяло в дальнейшем замедленный темп и специфический облик развития начального этапа реколонизации. Переходя теперь к непосредственному рассмотрению содержания этого этапа, напомним, что в начале второй половины V в. до н.э. в степной зоне Северо-Западного Причерноморья произошла, по-видимому, смена хозяев. С уходом с исторической арены старой скифской аристократии Подунавья единственной силой, способной в той или иной мере диктовать условия существования местных греческих полисов, становятся номады Приднестровья. Как представляется далее, столь радикальное изменение в расстановке главных действующих лиц уже само по себе должно было способствовать зарождению очередного периода относительной стабилизации военно-политической обстановки в этом районе Понта. Возникли реальные предпосылки для перехода практически всего комплекса греко-варварских контактов на более упорядоченную (договорную) основу.

Нет сомнений, впрочем, что как ранее, так и теперь главным стимулом упрочения этих контактов служила кровная заинтересованность элиты варваров в получении возможно большего количества высококачественной и, несомненно, престижной продукции греческих ремесленников и виноделов. Получив в свои руки контроль над «излишками» продуктов земледелия приведенной в зависимое состояние части оседлого населения лесостепных районов Северного Причерноморья, новые хозяева региона одновременно получили и прекрасные возможности для налаживания ширококомасштабных торговых операций с эллинскими центрами. Весьма существенную роль в организации стабильной поставки элите вождельных изделий была призвана сыграть, надо думать, и внеэкономическая эксплуатация самих греков, вынужденных для обеспечения собственной безопасности выплачивать в это время номадам на более или менее постоянной основе какой-то трибут.⁴ Вместе с тем не приходится сомневаться также и в том, что на начальной фазе раскручивания очередного витка отношений с кочевой знатью новый механизм контактов иногда мог давать определенные сбои в своей работе. Социальная психология вчерашних завоевателей, способных при благоприятных условиях в любой момент нанести неожиданный удар в спину, еще длительное время, вплоть до перехода к массовой седентаризации туземцев, в середине IV в. до н.э. во всяком случае, должна была неустанно подпитывать у греков чувство

⁴ Достаточно надежным свидетельством установления скифами конца V в. до н.э. податей для греков Северо-Западного Причерноморья является, как кажется, информация, содержащаяся в частном письме на обломке амфоры из Керкинитиды (см.: Соломоник 1987; ср.: Виноградов 1989: 91)

некоторой неуверенности в своем завтрашнем дне. Не случайно поэтому, быть может, эпиграфические памятники именно первой половины указанного столетия демонстрируют нам постоянную заботу ольвиополитов о всемерном укреплении обороноспособности их города (Виноградов 1989: 138-139).

Наиболее убедительные доказательства отсутствия достаточно благоприятной военно-политической обстановки для прямого перехода к крупномасштабной реколонизации свободных земель обнаруживаются, однако, как всегда, за пределами городских стен, на хоре. В их числе в первую очередь следует опять-таки обратить внимание на чрезвычайно растянутое, постепенное, так и хочется сказать — робкое, развитие хода второго этапа освоения территорий. Достаточно заметить, что к начальной фазе этого процесса даже в относительно хорошо изученном районе Нижнего Побужья на сегодняшний день с большей или меньшей долей вероятности могут быть отнесены остатки всего лишь двух-трех строительных комплексов последней трети V в. до н.э. — наземной усадьбы № 27 и большой землянки № 24, прежде всего, — зафиксированных на площади ранее покинутых позднеархаических поселений Чертоватое 7 и Старая Богдановка 2 (Марченко 1985; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 122-123). Все же остальные свидетельства нового подъема оседлой жизнедеятельности в Нижнем Побужье, да, по-видимому, и в Нижнем Поднестровье до сих пор приходится связывать с присутствием в культурных напластованиях отдельных селищ сравнительно небольших серий керамических материалов и единичных хозяйственных ям этого времени.

Другим, с моей точки зрения, вполне вероятным показателем ожидания враждебных поползновений со стороны скифов может служить и факт отсутствия на территории новых и в структуре возобновленных сельских населенных пунктов северо-западной части Понта даже первой половины IV в. до н.э. сколь-либо значительного числа долговременных, т.е. относительно дорогих и требующих больших затрат труда, наземных сырцово-каменных построек греков. Анализ старых и только что появившихся археологических материалов ни в коем случае не позволяет ныне соглашаться с до сих пор все еще широко бытующим среди специалистов мнением, согласно которому здесь уже «в течение первой четверти IV в. до н.э. возникает целый ряд урбанизированных поселков с развитым домостроением» (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 99, 150; ср.: 106-123, 149). Напротив, есть все основания полагать, что подавляющее большинство жилых и хозяйственных строительных комплексов, функционировавших на территории этих памятников в первой половине указанного столетия, принадлежало к категории весьма примитивных

и, как правило, довольно простеньких в своем изготовлении землянок и полуземлянок (см., например: Мелюкова 1975: 9-19; Марченко, Доманский 1986: 55-57; Головачева 1987: 79; Марченко 1988; Марченко, Соловьев 1988: 49; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 104-106; Буйских 1989; Головачева, Марченко, Рогов, Соловьев 1991).

Наконец, третьим, и конечно же, самым очевидным свидетельством реальной возможности военных столкновений является наличие, по крайней мере, у некоторой части поселений последней трети V - первой половины IV вв. до н.э. искусственно созданных линий защиты. Уже одна из самых первых постоянных построек этого времени — упоминавшаяся выше усадьба № 27, расположенная в непосредственной близости от Ольвии, имела «относительно мощные обводные стены всего здания» и внутреннее квадратное помещение, «по-видимому, башенного типа», что, по мнению исследователей, может быть расценено в качестве элементов обороны (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 122-123, 124). Значительно более солидной системой укреплений, вполне вероятно, обладал другой памятник Нижнего Побужья этапа реколонизации — Софиевка 2, на территории которого, согласно наблюдениям С.Б. Буйских, были обнаружены остатки «каменной крепостной стены и выкопанного с ее напольной стороны рва» (Буйских 1989). Однако, безусловно, наиболее достоверное доказательство существования фортификационных сооружений у ранее считавшихся совершенно открытыми аграрных поселков района было недавно получено при тотальном обследовании площади еще одного рядового селища этого времени — Козырка 12, где удалось полностью открыть следы сразу двух последовательно сменявших друг друга рубежей обороны, каждый из которых включал в свою структуру мощную ограду из глубоко вкопанных в материк деревянных столбов и небольшой конусовидный ров у ее внешней щеки.⁵ В этом же смысле, наконец, может быть расценено и предполагаемое выведение ольвиополитами на рубеже V-IV вв., или, что наиболее вероятно, в начале IV в. до н.э., в район Северо-Западного Крыма нескольких своих форпостов — небольших, но хорошо укрепленных поселений-фрьюрионов типа Панское 1, Караджинское и «Чайка» (Щеглов 1986: 166, 168, прим.35; Виноградов, Щеглов 1990: 313-314).

Какие же силы приняли участие в процессе реколонизации сельских территорий Северо-Западного Причерноморья? Кто основал и заселил новые поселения в окрестностях греческих центров этого района?

Исходным пунктом поиска ответа на постав-

⁵ Раскопки Нижнебугской античной экспедиции ЛОИА АН СССР 1989-1990 гг. под руководством Е.Я.Рогова. Материалы работ не опубликованы

ленные вопросы, как и ранее, будет признание факта исторической обусловленности очередного подъема и дальнейшего развития оседлой жизни в Нижнем Побужье и Нижнем Поднестровье экономической деятельностью местных ионийских государственных образований. Именно это обстоятельство, надо думать, во многом и предопределило хозяйственный и культурный облик самих поселений. Значит ли это, однако, что речь в дальнейшем безусловно должна идти только об эллинах как о единственных и самых непосредственных участниках процесса реколонизации? Отнюдь.

Обращаясь теперь к рассмотрению наиболее показательных с этнической точки зрения элементов материальной культуры новых памятников, мы наряду с вполне естественным в таком случае весьма значительным греческим компонентом обнаруживаем в их числе и несомненные свидетельства физического присутствия выходцев из туземной части населения Северного Понта. При этом замечу сразу, что накопленная на сегодняшний день информация в принципе позволяет выделять отдельные комплексы с относительно большим, иногда даже подавляющим, и относительно небольшим, едва уловимым, содержанием этих черт.

Среди последних прежде всего следует назвать лепную керамику. Как установлено ныне, обломки посуды, сработанной от руки без применения гончарного круга, имеются в составе керамических материалов буквально всех из до сих пор так или иначе изученных поселений интересующих нас районов. Равным образом достойно внимания также и то, что удельный вес такого рода изделий, используемых в быту обитателями сельских территорий, значительно превышая количество аналогичной посуды, изготавливаемой жителями городских центров, имел к тому же статистически достоверные и весьма существенные колебания в конкретных комплексах — от 12-36, а иногда и более процентов (без учета амфорной тары) на большинстве поселений Нижнего Побужья (см. также: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 127-128; Буйских 1989: 23) до 30-80% на побережье Одесского залива и в Нижнем Поднестровье (см., например: Дзис-Райко 1961: 38; Мелюкова 1975: 23; Диамант 1976: 211). Тем самым можно предположить, что число туземцев на отдельных поселениях этого времени было весьма различно. Впрочем, нельзя не согласиться и с мнением, высказанным целым рядом исследователей, согласно которому отмеченные выше несоответствия удельных весов могут в какой-то степени отражать и уровень зажиточности (благополучия) обитателей тех или иных населенных пунктов (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 128). Логично думать, что гораздо более качественная продукция греческих гончаров-профессионалов должна была быть одновременно и менее доступной для приобретения,

нежели сработанная в домашних условиях. При этом, однако, в первую очередь следует исходить из того, в высшей степени оправданного, допущения, что именно в силу этого, последнего обстоятельства подавляющая часть необходимой в повседневной жизни бытовой и кухонной керамики как раз и должна была изготавливаться самими варварами, вряд ли в массе обладавшими такими же возможностями, как и граждане полиса, для удовлетворения своих потребностей в явно более престижных, но вместе с тем и более дорогих товарах ремесленного производства. Не случайно поэтому, быть может, в составе материалов лепной посуды этапа реколонизации впервые вполне отчетливо фиксируется довольно представительная группа изделий (не более 10% объема комплексов), имитирующая наиболее расхожие формы греческой кружальной кухонной, бытовой и столовой керамики (см., например: Русяева 1968: 212; Мелюкова 1975: 56; Доманский, Марченко 1980: 31-32, рис. 10, 5-7, с. 35; Марченко 1988 а: 125-126; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 134). Будучи по сути своей прежде всего показателем более чем скромного имущественного состояния сельских жителей, это явление с другой стороны, по-видимому, может быть истолковано в качестве свидетельства глубокого воздействия античной культуры на быт хотя бы и части местного населения окрестностей эллинских центров (Доманский, Марченко 1980: 33).

Вместе с тем не приходится сомневаться и в том, что даже в условиях значительно более развитого, нежели в предыдущее время, внутреннего и внешнего рынков Ольвийского, да, пожалуй, и всех остальных греческих полисов Северо-Западного Причерноморья, и теснейших культурных контактов с ними подавляющее количество туземного населения сельских районов продолжало изготавливать и использовать в своем обиходе разнообразную посуду чисто варварского облика. Судя по морфологическому набору типов, основой комплекса этого времени являлась лепная керамика, находящая себе самые непосредственные аналогии прежде всего в материалах скифских памятников степного коридора Северного Понта, что, однако, на мой взгляд, не обязательно указывает на кочевников как на единственный источник пополнения туземной части оседлого населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья. Нельзя забывать, что по сути дела тождественная посуда тогда же была распространена и в ряде районов лесостепной зоны этого региона, например, у жителей Днепровского Правобережья. Замечу также, что в пользу некоторой диверсификации этнокультурного состава варваров прямо свидетельствует и наличие типично гетской посуды в слоях IV в. до н.э. аграрных поселений Нижнего Поднестровья (см., например: Мелюкова 1975: 51-53). Впрочем, нельзя не при-

знать и того, что соответствующие материалы первой половины названного столетия другого района реколонизации — Нижнего Побужья, в этом же смысле выглядят явно более однородными. Только со второй половины IV и особенно в начале следующего века здесь после длительного хронологического перерыва вновь появляются более или менее отчетливые следы пребывания выходцев из западных областей варварского хинтерланда (Марченко 1974: 157-159; 1988 а: 83-85, 126-127; Доманский, Марченко 1980: 31, рис.10, 1-3).

Вторым элементом материальной культуры новых памятников, способным, на мой взгляд, также вполне надежно удостоверить присутствие туземного по своему происхождению компонента в составе оседлого населения приморской полосы северо-западной части Понта оказываются опять-таки археологические реалии аграрных селищ — так называемые землянки и полуземлянки. Напомню сразу, что именно этот вид жилых и хозяйственных сооружений практически полностью доминировал в застройке если не всех, то уж, во всяком случае, подавляющего большинства поселений, расположенных на территории земледельческой округи эллинических центров Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья вплоть до середины - начала второй половины IV в. до н.э. Только с этого времени здесь начался переход к массовому строительству многокомнатных наземных сырцово-каменных домов греческих типов. При этом, однако, строительство землянок и полуземлянок полностью не прекратилось и далее. Более того, в настоящее время есть все основания утверждать, что, по крайней мере, в некоторых случаях такого рода постройки все еще продолжали образовывать ядро отдельных частей аграрных селищ вплоть до начала следующего столетия (Марченко, Соловьев 1988).

Что касается внешнего облика земляных сооружений второго этапа заселения сельских районов Северо-Западного Причерноморья, то в данном отношении необходимо обратить внимание на существенное обеднение числа морфологически различных типов этих построек. Анализ имеющегося археологического материала однозначно показывает, что, в отличие от позднеархаического периода, излюбленной формой жилищ новых поселенцев отныне становятся почти исключительно прямоугольные в плане структуры. Обычные размеры землянок — от 3-4 до 10-12 кв. м. Впрочем, на территории единичных поселений известны и гораздо более крупные постройки — до 45-60 и даже 170 кв. м (Мелюкова 1975: 9; Марченко 1985; Марченко, Соловьев 1988: 52-53). Подавляющая часть комплексов — однокамерные структуры. Крайне редко и, как правило, в эллинистическое время землянки имели внутреннее членение на отдельные помещения. Судя по дошедшим до наших дней остаткам, основными вида-

ми строительных материалов при возведении внешних стен и внутренних перегородок являлись глина, дерево и турлук. Ко всему сказанному остается лишь добавить, что безусловное большинство землянок IV в. до н.э. в своем интерьере не имело постоянных очагов и печей и, по всей видимости, должно было отапливаться в холодные времена года переносными жаровнями.

Вместе с тем нельзя не отметить, что практически все эти в общем-то весьма примитивные («архаичные») сооружения до сих пор обычно рассматриваются в литературе в качестве временного или, точнее, переходного типа построек. Ничего не меняет в этой оценке и факт сосуществования на некоторых памятниках углубленных в землю жилищ с наземными домами: ведь всегда имеется возможность отнести первые к категории хозяйственных или подсобных помещений. Как полагает ныне значительная часть исследователей, «использование переселенцами на начальных этапах земляночного строительства является исторической закономерностью», поскольку-де «в ходе вторичного освоения Нижнего Побужья земляночный тип должен был снова войти в употребление как наиболее экономичный и доступный новым поселенцам» (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 104; ср.: Рубан 1985: 33). При этом, очевидно, под самими переселенцами подразумеваются почти исключительно одни лишь эллины.

Нет нужды в полном объеме останавливаться на оценке достоверности указанной точки зрения. В данной связи важно заметить, пожалуй, лишь то, что, господствующая на сегодняшний день культурная интерпретация «архаичных» структур этапа реколонизации не может быть признана удовлетворительной сразу же по нескольким причинам. Она прежде всего фактически не учитывает наличие прямой генетической связи таких жилищ и, что особенно важно, отдельных деталей их внутреннего устройства с соответствующей строительной традицией обитателей бесспорно варварских селищ Северного Причерноморья. Единственная оговорка на сей счет делается пока лишь только в отношении уже упоминавшейся выше большой землянки № 24, обнаруженной в Нижнем Побужье в структуре позднеархаического поселения Старая Богдановка 2 (см.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 147). Совершенно необъяснимым в этих же рамках остается и другое — факт чрезвычайно длительного использования сельскими жителями почти исключительно земляночных сооружений. На поверку как бы оказывается, что греческие поселенцы (эпойки или же граждане полиса — неважно!) вынуждены были вместе со своими домо-чадцами в течение жизни трех или даже более поколений вновь довольствоваться крайне примитивными условиями быта. И это, заметим, в

период радикальной демократизации общественно-политического строя колоний и небывалого расцвета строительной и культурной деятельности на территории собственно ионийских центров Северо-Западного Понта. К сказанному остается добавить, что весьма вероятное создание выходцами из Ольвии уже в начале IV в. до н.э. в северо-западной части Крыма серии фрурионов, выполненных в типично эллинской культурной традиции, в принципе вообще ставит под большое сомнение презумпцию об исторической обусловленности скольлибо широкого использования греческими переселенцами столь примитивных сооружений, каковыми, несомненно, являлись земляночные структуры.

Впрочем, основной недостаток рассматриваемой позиции находится в иной плоскости. Анализ всей совокупности накопленных на настоящий момент археологических материалов свидетельствует в пользу вполне самостоятельной, т.е. во многом независимой от строительной традиции греков, линии типологического развития этих «архаичных» построек в культуре рядовых памятников интересующего нас времени. Есть веские основания полагать, что господствующие на начальной фазе реколонизации обычные однокамерные землянки и полуземлянки при изменении военно-политической ситуации в регионе к лучшему не были просто автоматически и полностью заменены в середине - второй половине IV в. до н.э. на значительно более комфортабельные наземные сырцово-каменные дома ионийцев, а, продолжая существовать и далее, постепенно начали трансформироваться в рамках одного и того же типа в более сложные по своему конструктивно-планировочному решению сооружения. Необходимо подчеркнуть также, что только в раннеэллинистическое время, т.е. по прошествии не менее трех четвертей столетия, при создании такого рода построек впервые в заметных размерах начинают применяться и новые наиболее прогрессивные строительные материалы, в том числе камень и сырец, что логичнее всего связывать с воздействием на местных туземцев более развитой культуры греков.⁶ В этот же период, наконец, несомненно усиливается и дифференциация землянок по их функциям, ведущая, в свою очередь, к увеличению вариативности типа в целом.

В заключение замечу, что наиболее наглядные иллюстрации только что сделанным замечаниям и суждениям дает одно из недавно изученных рядовых поселений сельской округи Ольвии — Куцуруб 1, в пределах основного ядра

которого, на искусственной террасе, устроенной в верхней части склона небольшой береговой балки, были обнаружены остатки, по сути дела, практически всех из до сих пор известных вариантов «архаичных» структур Северо-Западного Причерноморья второй половины IV - начала III вв. до н.э., в том числе: небольшая однокамерная землянка площадью около 4,0 кв. м с постоянной печью, вырезанной в материковом борту котлована; четырехугольное же в плане однокамерное жилище с наземным входом в виде длинного (около 4,0 м) мощеного каменными плитами коридора, одна из стен которого была возведена из сырца на каменном цоколе, а вторая являлась турлучной, квадратная в плане постройка площадью около 12 кв. м с материковой лежанкой у борта и турлучной перегородкой, делившей внутреннее пространство котлована на две, возможно, изолированные комнаты, наконец, трех- или, скорее, четырехкамерный строительный комплекс общей площадью около 45-50 кв. м, одна из частей которого также имела следы внутреннего членения на отдельные помещения (см.: Марченко, Соловьев 1988: 52-53).

Третьим и последним компонентом культуры оседлого населения эпохи реколонизации, способным в принципе подтвердить факт самого прямого участия туземцев в создании стационарных поселений в окрестностях греческих апоек Северо-Западного Причерноморья, являются, на мой взгляд, данные местных некрополей (см.: Ebert 1913: 23ff.; Мелюкова 1975: 108-151; Снытко 1986; 1990; Буйських, Нікітін 1988; Былкова 1989; Диамант 1989). Несмотря на крайнюю скудость и по большей части неразработанность материалов могильников, равно как и чрезвычайную сложность надежной этнической атрибуции подобных памятников в условиях «пограничья», есть веские основания предполагать все же достаточно высокую степень обусловленности формирования облика погребальной обрядности сельских жителей этого района воздействием на религиозные воззрения поселенцев со стороны не только собственно эллинской культуры, но и культуры варваров хинтерланда — прежде всего кочевников степной зоны. Нельзя не видеть, к примеру, что лишь с появлением новой волны кочевников в регионе в начале V в. до н.э. и постепенным усилением военно-политического контроля последних над своими южными соседями в некрополе Ольвии и на ее периферии, в частности, ко второй половине названного столетия практически полностью выходят из употребления четырехугольные ямы с деревянными конструкциями лесостепного облика и начинают получать распространение совершенно иные, ранее почти неизвестные в Северном Причерноморье, но зато несомненно связанные с пришельцами, типы могильных сооружений в виде ям с подбоями, а затем и катакомбы (ср.: Мурзин 1990: 31-33).

⁶ Интересно отметить, что совершенно аналогичные нововведения в строительную практику туземцев фиксируются в это же время и в глубине региона, на территории наиболее тесно связанных с эллинами варварских поселений Северного Причерноморья (см., например: Житников, Марченко 1984: 164-166).

Наличие же в целом ряде подбойных и катакомбных погребений следов положения с умершим заупокойной (жертвенной) пищи животного происхождения, ножей, оружия скифского типа, а иногда и лепной керамики уже сейчас, т.е. до проведения дополнительных исследований, дает принципиальную возможность рассматривать это воздействие хотя бы и отчасти в неразрывной связи с постоянным присутствием в пределах зон расселения оседлых жителей Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья IV-первой трети III вв. до н.э. самих варваров.

Какими же, однако, путями шло формирование туземной части сельского населения периферийных районов Северо-Западного Понта интересующего нас времени? Совершенно очевидно, что при полном отсутствии конкретных сообщений письменных и эпиграфических памятников одни только археологические материалы не в состоянии дать однозначного ответа на этот важнейший вопрос проблемы греко-варварских взаимодействий. Именно поэтому мне остается лишь высказать на сей счет несколько более или менее оправданных предположений.

Первое, на что, быть может, необходимо обратить самое серьезное внимание в данной связи, — на синхронность исчезновения Ольвийского предградья с началом второго этапа заселения берегов Днепро-Бугского лимана. Напомню также, что по нашему убеждению, это селище *extra mures* было в свое время основано, скорее всего, какой-то группой зависимого от эллинов, главным образом варварского по своему происхождению населения, призванного снабжать гражданский коллектив ольвиополитов продуктами земледелия. Нельзя ли предположить таким образом, что греки, будучи кровно заинтересованы во всемерном развитии своей сельскохозяйственной базы, при первых же благоприятных возможностях использовали жителей предградья в процессе реколонизации аграрных территорий Нижнего Побужья (ср.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 149)?

Впрочем, гораздо более очевидным представляется другое — отсутствие достаточно большого количества зависимых туземцев, имевшихся в распоряжении эллинских общин Северо-Западного Понта перед очередной «реорганизацией» своей хоры, для проведения такого мероприятия в жизнь в сколь-либо значительных масштабах. В силу данного обстоятельства должны были существовать и иные пути привлечения необходимой рабочей силы, например: покупка военнопленных у воинственных номадов или же переселение какой-то части земледельцев и скотоводов из числа оседлых жителей лесостепной зоны региона на договорной основе. Не случайно поэтому, быть может, отдельные комплексы Нижнего Побужья — поселение Козырка 12, в частности, — к своей

структуре содержат элементы бытовой сферы культуры, в том числе: весьма характерные детали внутреннего устройства землянок и полуземлянок в виде небольших четырехугольных углублений в полу, занимавших от одной до двух третьей площади постройки, и вполне специфичный облик оборонительных линий, основой которых являлись ограды из глубоко вкопанных в землю деревянных столбов, явно указывающие на их генетическую связь с местной традицией жителей именно лесостепных районов Северного Причерноморья (Головачева, Марченко, Рогов, Соловьев 1991). Однако важнейшим и, надо полагать, далеко не во всех случаях напрямую связанным только с одной заинтересованностью греков источником формирования варварской части населения «пограничья» должна была стать, скорее всего, все убыстряющаяся во времени седентаризация кочевников, наиболее яркие свидетельства которой в виде остатков целой серии стационарных селищ IV - первой трети III вв. до н.э. исследователи фиксируют ныне как раз в районе Нижнего Поднестровья (см., например: Гаврилюк 1989; 1990; Былкова 1990).

Последнее, на чем совершенно необходимо остановить самое пристальное внимание в связи с рассматриваемым вопросом, — на выяснении социально-правового статуса туземцев Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья. К сожалению, имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов явно недостаточно для сколь-либо удовлетворительного разрешения этой задачи. Они в лучшем случае лишь позволяют предполагать какую-то степень зависимости от греков определенной части гетерогенного по своему происхождению местного населения многочисленных аграрных селищ, возникших в процессе реколонизации окрестностей эллинских центров Северо-Западного Причерноморья. Единственным реальным выходом на столь желаемую в данном случае историческую конкретику может, по-видимому, стать только прямое сообщение на сей счет античной литературной традиции или эпиграфики. И такое сообщение, как кажется, есть. Рассмотрим его.

Итак, одним из наименее разработанных аспектов социально-экономической истории греческих полисов Северо-Западного Причерноморья IV - первой трети III вв. до н.э. является вопрос об их зависимом земледельческом населении. Заметим сразу, что обычно именно к этой категории жителей сельских территорий интересующей нас части Понта относят только так называемых миксэллинов знаменитого декрета ольвиополитов в честь Протогена (IPE, I², 32B. 20).⁷ При этом миксэллины, как правило,

⁷ Еще одно упоминание о миксэллинах содержится, видимо, в тексте декрета ольвиополитов в честь Антестерия, датированного Ю.Г.Виноградовым третьей четвертью III в. до н.э. (Виноградов 1989: 178; ср.: Яйленко 1990: 273-274, прим.69).

рассматриваются современными исследователями в духе идей Н.В.Шафранской (1956), а именно: либо в качестве неполноправной группы эмигрантов (метэков) из Средиземноморья, «которую ольвиополиты использовали в своих военных отрядах» (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 148-149), либо, что представляется мне более сбалансированным, как «зависимое военно-земледельческое население, типа клерухов, катэков или перизков, посаженное некогда для обработки ольвийской хоры и охраны границ полиса» (Виноградов 1989: 183, прим. 18; ср.: Карышковский, Клейман 1985: 74).⁸ К сказанному необходимо добавить, что ни тот, ни другой вариант данной трактовки полностью не исключает, по-видимому, и какого-то участия аборигенов в процессе формирования именно этой категории жителей сельских районов Нижнего Побужья. Более того, на поверку может стать, что такое участие в действительности было даже более значительным, нежели это предполагается ныне. Во всяком случае, так называемые коллективные усадьбы раннеэллинистического времени, появление которых специалисты чаще всего приписывают деятельности миксэллинов, содержат, как полагают, в своем керамическом комплексе существенно больший процент лепной посуды, чем другие типы аграрных поселений в окрестностях Ольвии (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 151). Со своей стороны, отмечу также наличие в составе лепной посуды именно этой группы памятников особенно заметного числа кратеровидных сосудов — ваз на высокой ножке (см.: Рубан 1980: 287-288; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 134), имитирующих обычные походные котлы скифов-кочевников, что, быть может, наряду с прочим является не только свидетельством участия варваров в сложении бытовой сферы культуры строителей коллективных усадеб, но и косвенно указывает на вполне специфичный — военизированный в своей основе — образ жизни их обитателей.

Вместе с тем, говоря о зависимых варварах, неизмеримо более пристального внимания, нежели миксэллины, заслуживает, на мой взгляд, еще один, ныне почти забытый персонаж названного декрета — вся ойкетия Ольвии (ΙΡΕ, Ι², 32В. 20), подкупленная, совращенная или, как полагал В.В.Латышев (1887: 97, прим. 6), просто находившаяся в изменническом состоянии ума в канун военного нападения на город галатов и их союзников скиров. Напомню, впрочем, содержание соответствующего пассажа этой псефизмы полностью: «Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки, где герой Сосия, не была окружена стеной, а перебежчики извещали, что галаты и скиры соста-

вили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов, и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город, а вместе с тем в стране случилось много и других печальных событий, все рабы (τὴν οἰκετείαν ἄλασαν) и пограничные миксэллины, числом не менее 1500, бывшие в прошлую войну союзниками в городе, были подкуплены врагами, и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан; вследствие этого собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашая всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних пор оберегаемое, попало под власть врагов и, между тем как никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, Протоген обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы за них».⁹

Итак, основная задача данного раздела нашей работы — определить конкретно-историческое содержание выражения τὴν οἰκετείαν ἄλασαν декрета в честь Протогена. К настоящему времени, как ни странно, имеются лишь две серьезные разработки этого сюжета, созданные к тому же еще 50-х годах. Я имею в виду концепции В.Д. Блаватского (1953: 194-195; 1954: 39-40) и Д.М.Пиппиди (1958; 1959). С тех пор, насколько мне известно, ни один из исследователей больше не обращался специально к выяснению реального наполнения термина «ойкетия» знаменитого декрета. В литературе фиксируются лишь отдельные замечания касательно возможной формы выступления ойкетии, не имеющие самостоятельного значения.

В чем же суть упомянутых концепций? По мнению В.Д.Блаватского, речь в 20-й строке псефизмы идет об одном из первых крупных движений рабов в Северном Понте (Блаватский 1954: 39). Поскольку-де рабы фигурируют в тексте как «ойкетия», в них якобы следует видеть по преимуществу категорию домашних городских рабов-слуг. Такая трактовка, как полагал исследователь, находит свое подтверждение и в отсутствии у Ольвии III в. до н.э. сколько-нибудь значительной собственной сельскохозяйственной территории (Блаватский 1953: 51-53, 194-195). В силу этого, а также в силу относительно небольших размеров самой Ольвии, количество рабов, участвовавших во враждебном ольвиополитам выступлении, не могло быть большим (Блаватский 1953: 194-195). Таким образом, заключает автор, характер этого первого движения был сравнительно пассивным: совращенные галатами и скирами, ольвийские ойкеты, подобно рабам из Лаврионских рудников Аттики времен Пелопоннесской войны, мас-

⁸ Совершенно отличную и, очевидно, практически неприемлемую позицию по этому же вопросу занял лишь один Яйленко (1989).

⁹ Перевод В.В.Латышева.

сами бежали от своих господ к их врагам (Блаватский 1954: 40).

Совершенно с иных позиций к объяснению этого же термина подошел Д.М.Пиппиди, упорно отрицавший самую возможность сколь-либо широкого развития рабовладения в сельском хозяйстве припонтийских греческих городов (см. также: Pippidi 1961: 99-100). Уже одна только неосуществимость фактического контроля над сельскими покупными рабами в условиях Причерноморья заставляет, с его точки зрения, предполагать в ойкетии декрета род зависимого автохтонного по своему происхождению населения Ольвии, жившего и работавшего на хоре этого полиса.

Какую же из двух ныне существующих концепций предпочесть? Начнем с анализа положений наиболее развернутой из них и, насколько я понимаю, наиболее распространенной, — концепции В.Д.Блаватского.

Первое, что сразу же обращает на себя внимание, — ошибочность мнения, будто Ольвия в течение всего III в. до н.э. не обладала сколь-либо основательной собственной аграрной базой. Разумеется, как ранее, так и сейчас исследователи истории этого города в силу отсутствия соответствующих письменных источников не имеют возможности достаточно точно определить границы его хоры, и в данном вопросе все еще существует значительный разнобой в оценках. Однако, как кажется, это в нашем случае и не суть важно. Существенно иное: накопленные ныне разнообразные историко-археологические материалы однозначно свидетельствуют в пользу самой энергичной и, совсем не исключено, непосредственной эксплуатации Ольвийским полисом в первой трети указанного столетия сельскохозяйственных ресурсов весьма обширной даже по современным меркам территории, включавшей в себя прибрежные районы Николаевской и Херсонской областей от г. Николаева на севере до с. Станислав и Березанско-Сосицкого лимана на юго-востоке и юго-западе.¹⁰ Не менее существенным оказывается и то, что количество открытых в очерченном регионе аграрных поселений раннеэллинистического времени исторически, экономически и, весьма вероятно, политически связанных с Ольвией, не может не быть оценено при любых сравнениях как весьма значительное (см.: Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан 1980: карта; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 98, рис.35). Равным образом, весьма значительным, надо думать, мог быть и удельный вес самодельной части населения Ольвийского государства, так или иначе занятого в сфе-

ре сельскохозяйственного производства. Весьма спорным представляется и другое положение концепции, определенно относящей ойкетию декрета главным образом к категории домашних городских рабов-слуг. Такое толкование ольвийской ойкетии неоправданно односторонне. Как показывают результаты целой серии исследований, реальное смысловое наполнение близкого ей по смыслу «ойкеты» существенно шире и не ограничивалось значением, на которое ссылался В.Д.Блаватский. Нет нужды сейчас специально останавливаться на чрезвычайно подвижной семантике этого термина, отмечу лишь принципиальную возможность его трактовки в смысле «сельскохозяйственные рабы» или «социально зависимое не эллинское по своему происхождению население», проживавшее на сельскохозяйственной территории греческого государства, в данном случае — Ольвийского полиса. Именно в таком или близком ему значении мы встречаем этот или производные от него термины в трудах Фукидида (III, 73; V, 82; VIII, 40), Платона (Leg., VI, 760 e), Ксенофонта (Oec., VII, 35; XIV, 4, 6), Демосфена (XLII), Исократы (VI, 88, 96), Афиней (VI, 263 d-e, 271b) и других авторов. Существенно подчеркнуть также, что хотя такое понимание термина и ставит на повестку дня вопрос о форме эксплуатации ойкетов в сельском хозяйстве ольвиополитов, тесно связанный с более общим вопросом — о характере землепользования в Ольвийском государстве эллинистического времени, оно отнюдь не приближает нас к его разрешению, поскольку даже прямая связь ойкетов с ойкосом не обязательно свидетельствует в пользу частной собственности на эту рабочую силу. Имеется немало примеров, в том числе и для эллинистического времени, когда ойкетами называли лиц, живших в своих домах и обрабатывавших земельные участки, на которых сидели их отцы и даже деды (см.: Голубцова 1969: 146). Само собой разумеется, что и в этих случаях речь идет о хозяйствах, расположенных на территории античных государств.

Наконец, последнее — явная некорректность той единственной аналогии, с помощью которой делается попытка раскрыть ход одного из первых «выступлений» рабов в Северном Причерноморье. Указанная аналогия не может не вызвать ряд недоуменных вопросов типа: как и к кому, собственно говоря, могла бежать массами городская прислуга Ольвии? Следует помнить, что галаты и скиры лишь только еще собирались зимой напасть на город. Они отнюдь не находились во время конструируемого бегства ойкетов в пределах владений своих противников, как это было в случае с пелопоннессцами. Более того, есть все основания полагать, что территория обитания готовившихся к военному набегу галатов, как, впрочем, по-видимому, и их союзников скиров, находилась на весьма значительном удалении от ольвийской хоры,

¹⁰ Замечу также, что в последнее время стало постепенно формироваться мнение, согласно которому эта непосредственно эксплуатируемая Ольвией территория была значительно больше и на юго-западе, к примеру, доходила до района современной Одессы (см., например: Рубан 1988: 18).

вероятнее всего, за Дунаем, и на пути ее достижения существовало множество труднопреодолимых препятствий, в том числе в виде врагов галатов — савдаратов, фисаматов и скифов

Но дело не только, или, точнее, не столько в этом. Серьезные сомнения вызывает сама возможность какого-либо восстания, возмущения или просто пассивного выступления именно городских рабов против своих господ, хотя бы и пребывавших в состоянии крайней растерянности перед лицом смертельной опасности. Конечно, *argumentum ex silentio non est argumentum*, но все же нельзя не обратить внимание на обескураживающее отсутствие в литературной традиции, освещающей события античной истории раннеэллинистического времени, положительных данных, свидетельствующих в пользу возможности такого рода движений. Едва ли не все и, надо заметить, довольно многочисленные случаи выступления ойкетов в качестве реальной общественной силы четко связываются главным образом с сельскохозяйственными рабами или какими-то конкретными группами автохтонного зависимого населения, обычно работающими за пределами оборонительных стен городов, на хоре. Не является исключением из этого правила и привлеченная аналогия.

Прежде чем оценить степень предпочтительности точки зрения Д.М.Пиппиди на ольвийскую ойкетию, необходимо попытаться установить, с каким конкретно периодом истории Ольвии должно быть сопоставлено интересующее нас событие. Желательность такой синхронизации очевидна. Вместе с тем следует признать, что возможности жесткой хронологической увязки ограничены и дискуссионны. И все-таки они существуют. Это, во-первых, естественно, дата создания самого декрета. На сей счет, как известно, имеется несколько различных точек зрения.¹¹ Какую же из ныне существующих датировок предпочесть? По-видимому, та, которая наиболее непротиворечиво учитывает данные палеографического и исторического анализов текста псефизмы. С этих позиций самой приемлемой сейчас кажется вторая половина или даже, точнее, третья четверть III в. до н.э., т.е. время, позднее которого теряются реальные следы деятельности коллегии Семи — одного из главных инициаторов издания декрета (Карышковский 1976).

Итак, третья четверть III в. до н.э. Это, разумеется, только исходная дата. Она дает нам *terminus ante quem* многочисленных и, несомненно, охватывающих значительный промежуток времени событий, описываемых в декрете. *Terminus post quem* для них нам дают уже независимые материалы археологии, нумизматики и эпиграфики, однозначно свидетельствующие

щие в пользу полного отсутствия в первой трети указанного столетия каких-либо следов серьезных негативных явлений в экономической, социальной и военно-политической жизни Ольвийского полиса.

Но это еще не все. Имеются дополнительные соображения, позволяющие заметно конкретизировать искомый отрезок времени. В их числе в первую очередь следует назвать вероятность отождествления галатов декрета с галлами — кельтами — галатами нарративных источников, созданными в 279 г. на Геме так называемое государство в Тиле, длительное время тревожившее своими набегами греческие города Левого Понта и варварские племена Фракии. Замечу также, кстати, что именно с этим временем, согласно новейшим датировкам археологических материалов Латена В_{2а} и В_{2б}, в полной мере совпадает и период массового распространения кельтских импортов в Скифии к востоку от Карпат (Еременко, Зуев 1989; Щукин 1989). Существенным в данном случае является и то, что период экспансионистской политики общественно-политического образования галатов обрывается где-то в середине III в. до н.э., хотя само оно, как известно, гибнет под ударами гетов только около 213-212 гг. этого столетия.

Наиболее важным, однако, принципиальным решением вопроса о синхронизации оказывается редчайшая возможность едва ли не прямого сопоставления информации, содержащейся в декрете в честь Протогена, с фактами археологии. Все дело в том, что упоминание миксэллинов числом не менее 1500 безотносительно к их интерпретации заставляет думать, что речь идет о времени, когда в Нижнем Побужье или где-то поблизости от него, на границе с ольвийской хорой, функционировало одно очень крупное, либо несколько относительно небольших стационарных поселений — тех же коллективных усадеб типа Дидова Хата II, к примеру (см.: Виноградов 1989: 183, прим.18), — в пределах которых только и могли проживать вышеозначенные миксэллины.

Вместе с тем, как установлено археологическими исследованиями, практически все ныне известные нам сельскохозяйственные и торговые-ремесленные поселения степной зоны Северного Причерноморья от Дона до Днестра прекращают свое существование не позднее начала второй трети III в. до н.э. Тем самым появляется возможность сравнительно жесткой хронологической увязки интересующего нас факта с финальной стадией существования в Ольвии раннеэллинистического времени собственной обширной сельскохозяйственной территории. Нельзя не видеть, таким образом, что данное заключение заметно смещает *terminus ante quem* события, предельно сужая время, в течение которого только и могло возникнуть «изменническое», по образному выражению

¹¹ Основную литературу вопроса смотрите в работах П.О.Карышковского (1968) и Ю.Г.Виноградова (1989: 181-182, прим.16).

В.В.Латышева, настроение умов у ольвийской ойкетии.

Следующий основной этап нашей работы — определение конкретного содержания самого термина «ойкетия», но, разумеется, не вообще — такая работа, как я уже отмечал выше, в значительной мере проделана — а применительно к данному конкретному случаю.

В силу отсутствия свидетельств о скольконбудь существенных выступлениях городских рабов-слуг и социальной истории античного мира раннеэллинистического времени и наличия таких данных для различных групп зависимого населения, в том числе и ойкетов, живших и работавших на своих господ за пределами городских стен в разного рода ойкосах, нам остается, как кажется, лишь выявить следы пребывания таких зависимых в составе жителей аграрных поселений округа Ольвии первой трети III в. до н.э.

Возвращаясь теперь к точке зрения Д.М.Пипиди, напомним, что в теоретическом плане на сложный в социально-правовом отношении состав жителей хоры Ольвии, включавший в себя, помимо полноправных граждан полиса и неполноправных греков, еще и некоторое количество местного зависимого населения, в том числе и рабов, указывалось уже не раз (см., например: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 146-150). Дело теперь за соответствующими археологическими реалиями. И они, как было установлено выше, в результате анализа материалов лепной керамики, строительных комплексов и отчасти данных погребального обряда могильников, есть и вполне определенно указывают на присутствие весьма значительного числа разноэтничных варваров в составе жителей аграрных поселений, расположенных в окрестностях греческих центров Северо-западного Причерноморья раннеэллинистического времени.

Кем же были эти представители аборигенного мира? Какое место они занимали в иерархичной социально-экономической структуре Ольвийского государства? Вправе ли мы, наконец, включать их хотя бы отчасти в ойкетию Ольвии? Прямых ответов на эти принципиальные вопросы одни только археологические источники дать, естественно, не могут. В силу этого нам придется удовлетвориться пока вероятностным решением, основанным на следующих допущениях и констатациях.

1. Поскольку прямая культурная, экономическая и историческая связь аграрных поселений Нижнего Побужья раннеэллинистического времени с Ольвией сомнений не вызывает, поскольку также основным видом деятельности жителей этих многочисленных поселений являлось производство сельскохозяйственной продукции, можно думать, что именно в этой сфере экономики Ольвийского полиса была занята и основная масса осевших там варваров.

2. Поскольку материальная культура населения Нижнего Побужья раннеэллинистического времени, но особенно данные эпиграфики, нумизматики и просопографии однозначно свидетельствуют в пользу относительной этнической и даже культурной целостности и относительной замкнутости эллинской общины этого района, следует думать, что исторически вполне оправданной формой отношений между автаркичным Ольвийским полисом, с одной стороны, и аборигенной частью жителей его хоры, с другой, являлось отношение социальной зависимости.

3. Поскольку греческий термин «ойкетия» по своей природе есть прежде всего не что иное, как просто определение зависимости, причем зависимости весьма широкого диапазона, поскольку, наконец, ойкетия декрета четко связывается в самом тексте с хорой (страной), нет никаких видимых препятствий к тому, чтобы зависимых разноэтничных варваров сельских поселений Нижнего Побужья отнести именно к этой категории населения Ольвийского государства III в. до н.э.

Вот, пожалуй, и все, что касается возможного решения поставленных выше вопросов. В заключение следует высказать одно-два соображения общего порядка относительно самого характера «выступления» ольвийской ойкетии.

Главное, что совершенно обязательно следует отметить в данной связи, — отсутствие видимого действия. Составитель декрета лишь констатирует состояние враждебности зависимого населения по отношению к ольвиополитам, а отнюдь не его реализацию. Проявилась ли эта враждебность в конкретных действиях при нападении галатов и скиров, как это, например, произошло в 278 г.до н.э. в сходных условиях на хоре Приены (Голубцова 1972: 56), остается совершенно неизвестным. Совершенно неизвестным для нас, впрочем, остается и другое — осуществилось ли это нападение вообще.

Следующее, что сразу же бросается в глаза, — тривиальность сообщенного в декрете факта. Изменническое состояние умов ольвийской ойкетии, по существу, ничем не отличалось от настроений, широко распространенных в это или более раннее время в среде наиболее жестоко эксплуатируемых групп зависимого населения античного общества. Такое состояние ойкетии не обязательно являлось следствием какого-то специального совращения или тем более подкупа со стороны врагов, оно вполне естественным образом вырабатывалось в процессе повседневной социально-экономической практики того времени.

Гораздо интереснее во всем этом, быть может, другое, а именно — сама возможность проявления со стороны зависимой группы населения Нижнего Побужья явной враждебности по отношению к Ольвии в тот самый момент, когда непосредственная опасность существо-

ванию города еще отсутствовала и у ольвиополитов имелось достаточно времени для обуздания непокорных. Весьма существенно, быть может, и другое: откровенно изменническим настроением в этой ситуации оказалась охвачена вся ольвийская ойкетия, именно вся, а не какая-то ее часть. Что это — особое словопотребление, стиль составителя декрета, слу-

чайность? Вряд ли. Такого пренебрежения своим долгом перед хозяевами не могли себе позволить разобщенные домашние слуги. Отсюда вопрос: не является ли только что указанное обстоятельство косвенным свидетельством наличия у зависимого автохтонного сельского населения Ольвийского государства рода организации?

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В.Д. 1954. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. // СА. Т.ХХ.
- Буйских С.Б. 1989. Исследования в ур.Глубокая Пристань // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. областной конф. Запорожье.
- Буйських С.Б., Нікітін В.І. 1988. Окоронні розкопки могильника IV — III ст. до н.э. Лагерна Коса // Археология. № 63.
- Былкова В.П. 1989. Белозерское поселение и курганы в его окрестностях // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Київ.
- Былкова В.П. 1990. Население низового Днепра в IV — II вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбил. конф. Ч.2. Херсон.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1985. О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного времени // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1986. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. Киев.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. // СА. № 1.
- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н.э. // СА. № 3.
- Виноградов Ю.Г. 1981. Варвары в просопографии Ольвии в VI — V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. : Т.1. М.
- Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII — I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. 1990. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII — V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.
- Гаврилюк Н.А. 1989. Каменское городище и его округа // Проблемы скифа-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. областной конф. Запорожье.
- Гаврилюк Н.А. 1990. Два вида кочевого скотоводства у скифов // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. юбил. конф. Ч.2. Херсон.
- Ганжа А.И., Машкова Л.В., Отрешко В.М. 1978. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане // АО 1977. М.
- Головачева Н.В. 1987. Исследование памятников IV в. до н.э. на периферии Ольвии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М.
- Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1998. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры // СА. № 3.
- Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я., Соловьев С.Л. 1991. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период) // КСИА. Вып.204.
- Граков Б.Н. Скифы. 1947. Київ.
- Гребенников Ю.С., Фридман М.И. 1985. К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н.э. // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино.
- Голубцова Е.С. 1969. Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III-I вв. до н.э. М.
- Голубцова Е.С. 1972. Сельская община Малой Азии в III в. до н.э. — III в.н.э. М.
- Дзис-Райко Г.О. 1961. Раскопки Надлиманского городища в 1960 г. // КСОГАМ.
- Диамант Э.И. 1976. Поселение и могильник V — III вв. до н.э. на месте Приморского бульвара в Одессе // МАСП. Вып.8.
- Диамант Э.И., 1989. Погребальные сооружения Кошарского некрополя // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР, Київ.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Доманский Я.В. 1981. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. 1989. Некоторые итоги работ Березанской экспедиции // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Київ.
- Доманский Я.В., Марченко К.К. 1980. Поселение Ольвийской хоры Козырка 2 // АСГЭ. Вып. 21.
- Еременко В.Е., Зуев В.Ю. 1989. М.И.Ростовцев и проблема кельто-скифских контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти М.И.Ростовцева. Новочеркасск.
- Житников В.Г. 1987. Политическая и демографическая ситуация конца VI — начала V вв. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир Подонья — Приазовья: Тез. докл. к семинару. Новочеркасск.
- Житников В.Г., Марченко К.К. 1984. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. № 3.

- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. Скифия VII — IV вв. до н.э. Киев.
- Карасев А.Н. 1948. Оборонительные сооружения Ольвии // КСИИМК. Вып. XXII.
- Карышковский П.О. 1968. До питання про дату ольвійського декрету в честь Протогена // Археологія. Т. XXI.
- Карышковский П.О. 1976. Монеты ольвийской коллегии Семи // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Карышковский П.О. 1984. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Карышковский П.О. 1987. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. семинара. Ч. I. Кировоград.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Киев.
- Ковпаненко Т.Г., Бунятян Е.П. 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев.
- Козуб Ю.И. 1975. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. Киев.
- Козуб Ю.И. 1979 а. Предместье Ольвии // Проблемы античной истории и культуры. Т. 2. Ереван.
- Козуб Ю.И. 1979 б. Передмістя Ольвії // Археологія. № 29.
- Копейкина Л.В. 1975. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // СА. № 2.
- Копейкина Л.В. 1976. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Копейкина Л.В. 1981. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. № 1.
- Копылов В.П., Ларенок П.А. 1994. Таганрогское поселение. Ростов-на-Дону.
- Крыжицкий С.Д. 1979. Основные итоги работы Ольвийской экспедиции // КСИА. Вып. 159.
- Крыжицкий С.Д. 1985. Ольвия. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. 1980. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. 1997. Ольвия. Николаев.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. 1978. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. № 28.
- Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев.
- Куклина И.В. 1985. Этногеография Скифии. Л.
- Латышев В.В. 1887. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Леви Е.И. 1984. Ольвия // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Лейпунская Н.А. 1979. О роли торгово-ремесленных отношений в экономике Ольвии второй половины VI в. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Лейпунская Н.А. 1986. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972 — 1977 гг.) // Ольвия и ее округа. Киев.
- Марченко К.К. 1974. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII — середине I вв. до н.э. // ВДИ. № 2.
- Марченко К.К. 1980. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. № 1.
- Марченко К.К. 1983. Исследование памятников античного времени в Нижнем Побужье // АО 1981. М.
- Марченко К.К. 1985. Исследования поселения Старая Богдановка 2 // АО 1983. М.
- Марченко К.К. 1987. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье // АО 1985. М.
- Марченко К.К. 1988 а. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н.э. Л.
- Марченко К.К. 1988 б. Раскопки античного поселения Козырка 12 // АО 1986. М.
- Марченко К.К. 1992. Северо-Западное Причерноморье античного времени (историко-географическое определение) // ПАВ. № 2.
- Марченко К.К. 1994. «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья // ВДИ. № 4.
- Марченко К.К., Вахтина М.Ю. 1997. «Древняя Скифия» в Северо-Западном Причерноморье // Hyperboreus. Vol. 3. Fasc. 1.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1981. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. Вып. 22.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1982. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье // КСИА. Вып. 172.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1986. Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ. Вып. 27.
- Марченко К.К., Соловьев С.Л. 1988. К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья IV в. до н.э. // КСИА. Вып. 194.
- Масленников А.А. 1987. Основные этапы этнической истории европейского Боспора // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. семинара. Ч. II. Кировоград.
- Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Мелюкова А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.
- Мелюкова А.И. 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Моруженко А.А. 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. № 4.
- Мурзин В.Ю. 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
- Никулицэ И.Т. 1987. Северные фракийцы в VI — I вв. до н.э. Кишинев.
- Онайко Н.А. 1960. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья (VII — V вв. до н.э.) // СА. № 2.
- Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII — V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27.
- Отрешко В.М. 1975 а. Архаические и классические слои на поселении у Закисовой балки // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев.
- Отрешко В.М. 1975 б. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Ч. II. Киев.

- Отрешко В.М. 1982. З історії Ольвіїського поліса в IV — I ст. до н.е. // Археологія. № 41.
- Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI — III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI — V вв. до н.э. Киев.
- Полин С.В. 1987. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. семинара. Ч.II. Кировоград.
- Рубан В.В. 1975. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья дорийского периода // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Ч.II. Киев.
- Рубан В.В. 1977. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л.
- Рубан В.В. 1978. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени // Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории» по проблеме «Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры»: Тез. докл. М.
- Рубан В.В. 1980. Раннеэллинистические лепные кратеры из Нижнего Побужья // СА. № 1.
- Рубан В.В. 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV — III вв. до н.э. // ВДИ. № 1.
- Рубан В.В. 1988. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев.
- Русяева А.С., 1968. Поселения Петухівка 1 біля Ольвії // Археологія. Т.21.
- Русяева А.С. 1990. Духовная культура населения Ольвийского государства: Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Киев, 1990.
- Русяева А.С., Мазарати С.Н., 1986. Археологические исследования у Широкой балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев.
- Русяева А.С., Скржинская М.В. 1979. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. № 4.
- Секерская Н.М. 1989. Античный город Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э. Киев.
- Скуднова В.М. 1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. Т.I. (34).
- Скорый С.Л. 1997. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев.
- Снытко И.А. 1986. Грунтовый некрополь IV — III вв. до н.э. в урочище Дидова хата // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.
- Снытко И.А. 1990. Исследования некрополя античного времени в урочище Сиверсов маяк // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбил. конф. Ч.II. Херсон.
- Соломоник Э.И. 1987. Два античных письма из Крыма // ВДИ. № 3.
- Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. № 3.
- Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. М.
- Чернеко Е.В. 1984. Скифо-персидская война. Киев.
- Шафранская Н.В. 1956. О миксэллинах // ВДИ. № 3.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI — IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- Шилик К.К. 1975. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене (по материалам геоморфологических и археологических исследований в северо-западной части бассейна): Автореф. дис. ... канд. геолог. наук. Л.
- Шрамко Б.А. 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
- Щеглов А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Щеглов А.Н. 1986. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Л.
- Шукин М.Б. 1989. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти М.И.Ростовцева. Новочеркасск.
- Яйленко В.П. 1989. Локализация и происхождение каллипидов-миксэллинов // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Київ.
- Яйленко В.П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.
- Alexandrescu P. 1976. Pour une chronologie des VI-IV siècles // Thraco-Dacia.
- Alexandrescu P. 1990. Histria in arhaicher Zeit // Xenia. 25.
- Avram A. 1990. Die histrianische Territorium in griechisch-römischer Zeit // Xenia. 25.
- Berciu D., și Preda C. 1961. Săpăturile de la Tariverde // MCA. Vol.VII.
- Berciu D. 1963. Neue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien // PZ. Bd.XLI.
- Condurachi Em. și col. 1953. Șantierul Histria // SCIV. 1-2. Anul IV.
- Dimitriu S. 1966. Cortielul de locuinte din zona de vest a cetății în epoca arhaică // Histria. 11.
- Ebert M. 1913. Ausgrabungen auf dem Cute Maritzyn // PZ. Bd.V.
- Moscalu E. 1983. Ceramica traco-getică. București.
- Pippidi D. 1958. În jurul relațiilor agrare din cetățile Pontice în epoca preromană // SCIV.
- Pippidi D. 1959. Sur un passage obscur du decret en l'honneur de Diophante file D, Asclepodore // Archeologia. IX.
- Pippidi D. 1961. Die Agrareverhältnisse in der griechischen Städten der Dobrudscha in vorrömischer Zeit // DAW SA. № 28.
- Pippidi D., Berciu D. 1965. Din istoria Dobrogei. Vol.1. București.
- Preda C. 1985. Über die Beziehungen zwischen Histria und Geten im 6 und 5 Jh. v.u.Z. // Thracia Pontica. III.
- Simion G. 1992. Geții de la Dunărea de jos și civilizația lor. Probleme actuale ale istoriei naționale și universale. Chișinău. Universitas.
- Vinogradov Yu.G. 1981. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer // Xenia. 1.
- Vulpe R. 1955. Șantierul arheologic Histria (1954) // SCIV. T.VI. N 2, 3-4.
- Weiss J. 1912. Getae // RE. VII. 13.
- Zimmermann K., Avram A. 1987. Archäologische Ausgrabungen in Histria Pod., SR. Rumänien // Klio. 69.